

№5

май 2025

РУССКИЙ КЛУБ

с Днем Победы!

РАБОТА ЗУРАБА ЦЕРЕТЕЛИ
МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА, ТБИЛИСИ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5 (235)
май 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 МЕНЯ БЛАГОСЛОВИЛ ОТВОЕВАВШИЙ СОЛДАТ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 8 ПАПА
АНАИДА ГАЛУСТЯН ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 12 ОН БЕСПРИСТРАСТНО ОЦЕНИВАЛ ПРОШЛОЕ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 15 СТАЛИН
ДЭВИ СТУРУА
- 20 СИЛА ПРИРОДЫ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 23 НИЧТО НЕ ЗАБЫТО
ГОДЕРДЗИ РТВЕЛИАШВИЛИ
- 26 УТРАТА
КОРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 27 МОЯ ГРУЗИЯ: МАНИФЕСТ ЛЮБВИ
ДМИТРИЙ ТРОФИМОВ
- 30 ВЕСЕННЯЯ ПАЛИТРА СУПРУГОВ МЕССЕРЕР
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 33 «КРИСТИНЭ» – КАК ЭТО БЫЛО
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 37 СУДЬБА ПРИЗА
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ
- 40 «РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
- 45 РЫЦАРЬ СПОРТА И НАУКИ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 47 ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 50 АУДИОКНИГИ БЕЗ ГРАНИЦ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 52 ТЕНИ В РАЮ
НИНА МАЗУР
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Фото: **Федор ЛЕВШИН**

а я от до

Роб АВАДЯЕВ

**ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ
СТАРШИЙ «МУЖИЦКИЙ»**

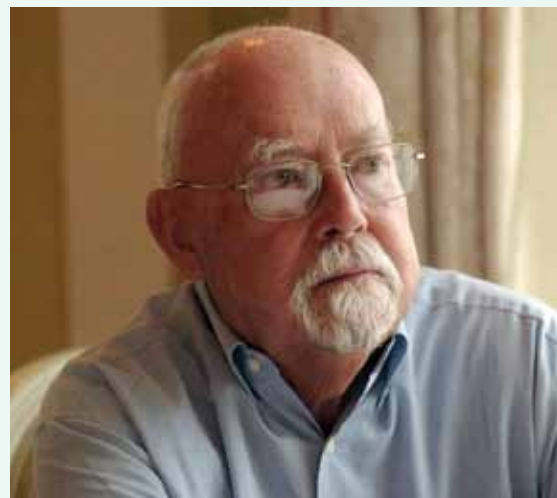
Великий голландский живописец, один из самых значительных представителей Северного Возрождения Питер Брейгель Старший родился в конце весны 1525 года в брабантском городе Бреда или в деревушке Брегел. Это был очень уважаемый мастер, работы которого были невероятно популярны у его современников. У нас нет точного дня его рождения и неизвестно достоверно, кто были его учителями. Считается, что он был самородком. По существующей версии, вначале он был рисовальщиком в мастерской придворного художника Питера Кука ван Альста, где проработал до 25 лет. А после был принят в антверпенскую Гильдию живописцев Святого Луки и поступил в мастерскую издателя и гравера Иеронима Кока. И там впервые увидел работы Босха. Он был очарован творчеством этого загадочного мастера, его чувством композиции и цвета, а главное, сюжетами. Иероним Кок послал его в «творческую командировку» в Италию, Швейцарию и Францию, чтобы Брейгель срисовал пейзажи для оформления их книг. Молодой живописец добрался до Рима, где даже

поработал, по некоторым версиям, с известным миниатюристом Джулио Кловио. В мастерской Кока Брейгель работал много лет, а ближе к сорока женился на дочери хозяина и наследовал мастерскую. А после началась жуткая война с испанцами, когда все население Нидерландов было приговорено к смерти жестоким герцогом Альба, решившим уничтожить всех еретиков. Брейгель насмотрелся ужасов, что отобразилось в его картинах «Сорока на виселице» и «Избиение младенцев». Брейгель почти не писал портретов, не писал и обнаженную натуру, а особенно он не любил античные сюжеты. Когда ему навязали картину с сюжетом о падении Икара, этот вольнодумец поступил по-своему — он изобразил на переднем плане пахущего крестьянина и корабль в море, а в самом уголке в

волнах всплеск от упавшего Икара и его дрыгающиеся ноги. Примерно так поступал современный фотограф-художник Хельмут Ньютон, знаменитый изображениями обнаженных красавиц. Когда ему модный журнал заказал рекламное фото мужских плащей, он сфотографировал прекрасных голых барышень в полный рост, а в отражении зеркала на заднем плане самого себя за фотоаппаратом... в плаще. Так и великий Брейгель. Он любил изображать простых людей, занимающихся повседневными трудами. Посему и получил прозвище к своему имени — «Мужицкий». Очень всем современникам нравились его «Охотники на снегу», а вдали люди на коньках. Ему особенно хорошо удавались жанровые картинки, написанные с весельем и юмором, и часто художника называли Брейгель-шутник. А еще он был мудр и наблюдателен, его работы заставляют задуматься. Особенно «Вавилонская башня», «Мизантроп», «Притча о слепых», «Нидерландские пословицы», «Детские игры», «Страна лентяев» и жутковатые «Триумф смерти» и «Безумная Грета».

ГАРРИ ГАРРИСОНУ 100 ЛЕТ

Однажды в далекие нынче времена, в начале семидесятых годов прошлого века, произошла одна история. Юный лаборант одного НИИ вместо того, чтобы расплачивать плату с микросхемами, украдкой читал постороннюю книгу, пряча ее в ящике рабочего стола. Он настолько увлекся, что не мог работать. Начальство уже косилось, а парень все никак не мог оторваться. Тогда руководитель строго велел ему перестать отвлекаться и отдать книгу. Получив книжку в руки, он посмотрел название и усмехнулся. А потом помолчал и разрешил читать дальше, сказав, что пока не прочтает, от лаборанта не будет толку. Начальник был умный и начитанный, он уже прочитал эту книгу и понимал, какая она занимательная. Это была «Неукротимая планета» знаменитого американского писателя-фантаста Гарри Гаррисона. Этот чудный и остроумный автор был популярен не только у себя на родине, но и у читателей других стран. Его веселые и занимательные книги все читали запоем — и «Миры смерти», и цикл «Стальная крыса», и смешную «Фантастическую сагу» и многие, многие другие. Гаррисон написал не-

мало. Это был очень плодовитый писатель. А особенно много переводов его романов появилось в девяностых годах, когда наступил издательский бум. Сам писатель несколько раз приезжал в СССР, его здесь любили и принимали, как истинную популярную звезду. Его настоящее имя было Генри Максвелл Демпси, его мать была родом из Риги, а дедушка пetersбургским часовщиком, довольно не бедным. Гарри шутил, что сначала деньги кончились у дедушки, потом закончились у русского царя, а потом и вовсе произошла революция. Семья его матери переехала от погромов в США. А отец нашего героя был из ирландцев. Этот веселый

и мудрый человек, прошел настоящую школу жизни – в армии он был сержантом, а после войны стал художником, редактором, а к тридцати профессиональным литератором. Он с семьей объездил более 50 стран, по долгу жил в Англии, Мексике, Италии, Дании, а потом поселился в Ирландии – он шутил, мол, там меньше налоги. Но писательство, хоть и сделало его популярным, но особенного богатства он не нажил, хотя и не бедствовал. Женат он был один раз и на всю жизнь. А после смерти жены, он прожил оставшиеся десять лет в доме престарелых в Англии, где продолжал писать почти до последнего дня. А еще он знал несколько языков, свободно не меньше семи, включая немного русский – родной язык его деда. И гордился, что может сказать: «Дайте мне банку пива» на двадцати языках. Мой близкий друг частенько любил посидеть с ним и его женой Джоан. А однажды, на вопрос нравится ли ему знаменитый Толкин, рассказал: «Собрались однажды мы – я, Шекли, Айзек Азимов, Пол Андерсен и еще кто-то из писателей. И задали себе этот вопрос. А потом посмотрели друг на друга, пожали плечами и сказали: «Никак. Но он – молодец».

АВТОРУЧКЕ ПАРКЕР 120 ЛЕТ

Некий молодой человек по имени Джордж Сэффорд Паркер однажды увидел объявление о приеме на работу в Телеграфную школу. А было ему всего 17 лет. На работу его не приняли, но и не прогнали, уж очень он был трудолюбивым. В штат он попал через год, но денег платили мало, и парень взялся дополнительно продавать перьевые ручки «The John Holland Fountain Pen Company». Их часто покупали студенты. А ручки были скверного качества и их часто ему, как «агенту по продаже», возвращали. Но Джордж был добросовестным и сам их ремонтировал, чтобы не терять репутацию надежной фирмы. Он разбирал и собирал ручки, досконально разобравшись в их конструкции, пока не решил, что

это ему надоело – он решил создать свою собственную, самую лучшую на свете ручку. И сначала в 1889 году он запатентовал первую ручку своей конструкции, а в 1905 году окончательно завершил создание своего творения, создав механическую систему набора чернил, которая представляла собой резиновый мешочек. А годом позже, им была выпущена ручка с первоначальным названием Emblem, ставшая прототипом современных перьевых ручек. Почти сразу они стали предметом коллекционирования. Ведь многие ручки делались роскошными с золотом и драгоценными камнями в декоре. А Джордж Паркер и не думал останавливаться, продолжая улучшать ручки. В 1941 году была выпущена знаменитая «Parker 51». Ручкой «Parker 51», была подписана капитуляция Германии в 1945 году, а ручкой «Parker Duofold» генерал Макартур подписал капитуляцию Японии.

«ЯНКИ» И «ГРИНГО»

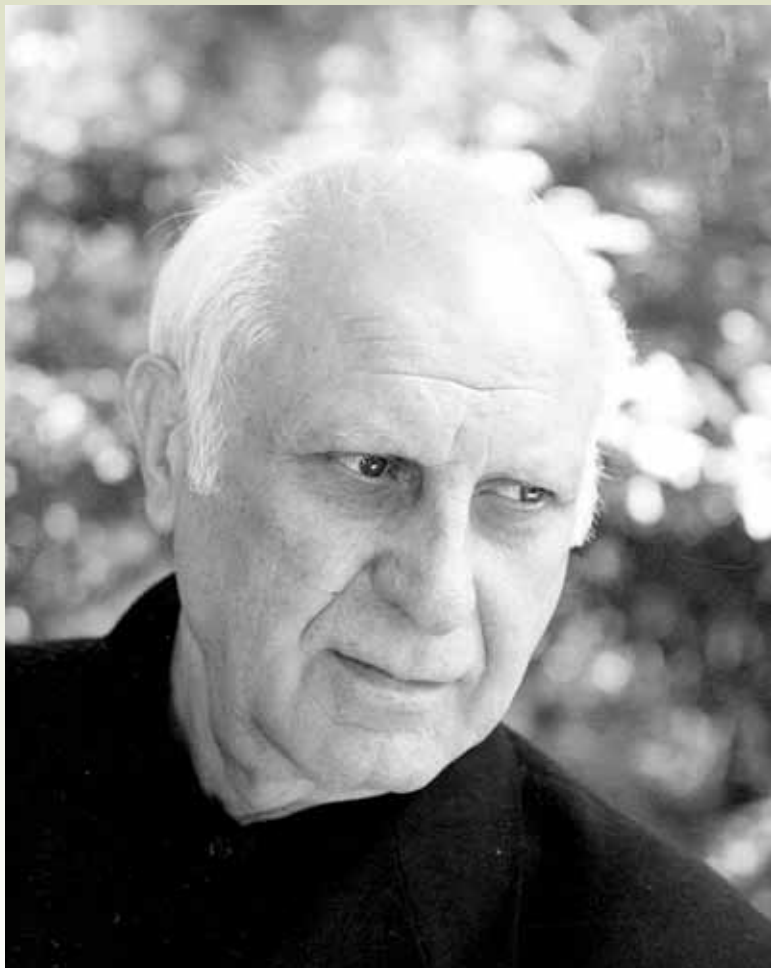
Все мы слышали, что американцев во всем мире часто называют «янки», и чаще всего это прозвище носит непочтительный и слегка насмешливый оттенок. Так их называют уже два века. А еще встречается название «гринго», так называют жителей Соединенных Штатов в Центральной и Южной Америке, особенно часто в книгах испаноязычных писателей. Откуда это взялось, и как появились эти «погоняла», как говорит молодежь? Обратимся к истории. Как известно, первыми на Восточном побережье Северной Америки поселились голландцы. И даже Нью-Йорк назывался поначалу Новый Амстердам. А самым распространенным именем у поселенцев было Ян, вот

их и называли Янами (отсюда и получились «янки»). Это как во время войн немцев называли «фрицами», а русских «Иванами». Во время войны за независимость англичане так называли восставших американцев, подчеркивая их нерешительность, неумелость, подчас и трусость. Но по мере продолжения военных действий, американские восставшие под руководством генерала Вашингтона, воевать научились и прогнали англичан. В итоге, с 18 века это прозвище прилипло к жителям северо-восточных штатов, или Новой Англии. А после во время Гражданской войны южане так презрительно называли северян. Есть и насмешливая песенка «Янки Дудль» про простака янки, которая сейчас воспринимается в патриотическом ключе и даже ставшая гимном штата Коннектикут. Советские граждане ее хорошо

знали, как музыкальную заставку-джингл радиостанции «Голос Америки». А прозвище «гринго» прилипло ко всем белым американцам. Так их называют латиноамериканские соседи по континенту, а подчас и всех европейцев. Даже русский, попав, скажем в Мексику, будет гринго. Этимология этого слова менее понятна, есть несколько версий – чаще всего, считают, что это искаженное слово «Грек», то есть человек бормочущий непонятное, говорящий на незнакомом языке, или вовсе от цыганского слова, означающее «чужак, пришлый». Точнее уже не сказать, слово появилось очень давно. А в США есть и другое слово людей, противостоящих янки – это «Дикси». Так во время Гражданской войны называли южан, а саму войну «янки против Дикси». С происхождением этого прозвища сложностей нет – так называли Юго-восточные штаты.

Эмзар Квитаишвили

МЕНЯ БЛАГОСЛОВИЛ ОТВОЕВАВШИЙ СОЛДАТ

■ **Эмзар КВИТАИШВИЛИ**

Перевод с грузинского
Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ

Я принадлежу к поколению шестидесятников минувшего столетия. К сожалению, многие мои ровесники сложили крылья и ушли в «Небесную Грузию».

Жесточайшая мировая война, развязанная фашистами, которая развернулась на территории Европы и захлестнула Советский Союз, оставила неизгладимый отпечаток на нашем детстве и, пожалуй, на всей жизни.

Моего отца, известного педикатра Давида Квитаишвили, по ложному доносу в 1942 году сослали в Заполярье, в печально известную Воркуту. Мне тогда пошел седьмой год. По отбытии наказания, после ссылки, отца

реабилитировали.

Меня растили и воспитывали бабушка и мамида (*прим.* сестра отца) Анэта в одном из красивейших сел Гурии, в Ланчхутском районе. В селе осталось совсем мало мужчин — непризывного возраста. Молодых призвали на войну, а вернувшихся оттуда оказалось немного. На балконах очень многих домов в знак траура были натянуты черные полотнища с надписями: «Скорбим по любимому Нодару», «Скорбим по любимому Георгию» и т.п.

На сельской площади, возле здания канцелярии, на столбе висело радио, по которому в определенный час сообщали последние известия. Особенно мне запомнились первые месяцы 1945 года, когда наши войска освобождали один за другим города, оккупированные

фашистами. Новости приносила и моя мамида Анэта, которая много ходила по селу, поскольку была хорошей портнихой и безвозмездно обшивала соседей. Жизнь была очень трудная, но люди, кто чем мог, поддерживали друг друга.

В один прекрасный весенний день мамида вернулась домой со счастливым лицом и сообщила несказанно радостную весть — война окончена, и мы победили. Люди бежали на площадь, где вскоре началось празднование. До глубокой ночи играла музыка, победные марши разносились далеко по окрестности. Никто не думал о перенесенных лишениях и трудностях, главное было, что фашистская армия разгромлена вдребезги, и мы победили! В честь победы состоялось состязание по нашей любимой грузинской борьбе. В круг вышли борцы, тут же оказался медоле (*прим.* музыкант, играющий на доли) и начались поединки. Как только один из борцов укладывал противника на лопатки, раздавались гром аплодисментов и одобрителные крики болельщиков.

В то время в наше село приехала довольно много демобилизованных солдат. Их расположили в военных палатках, поставленных на сельской площади. По вечерам там показывали кино, и мы, сельские мальчишки и девчонки, с нетерпением ожидали, когда же начнется фильм на наскорю сооруженном экране (простыне, натянутой на дикт). Наш слух улаждало шуршание ленты в аппарате, и хотя из-за незнания русского языка мы зачастую не понимали смысла, все равно происходящее на экране нас завораживало, и мы не отрывали глаз от экрана.

Солдаты, чтобы нас развлечь, дарили нам плетеную проволоку — она была разноцветная и ярко блестела. Кроме того, у нас, ребяташек, успехом пользовались пустые медные гильзы, которые женщины потом использовали как цветочные вазы. Мы с удовольствием принимали все эти подношения и тоже не оставались в долгу — приносили солдатам то, что бывало в доме. Больше всего им нравилась чача — крепкая,

как огонь, водка и джанджуха – чурчхелы с орешками.

А самым удивительным было то, что к нам в товарных вагонах привезли огромных лошадей с огромными же толстыми ногами. Они казались очень неуклюжими и производили странное впечатление. Таких лошадей я ни раньше, ни потом в жизни не видал. Их пустили в поле. Ни для скачек, ни для цирка они не годились. Вероятно, их запрягали в фургоны, они могли бы перевозить тяжелые грузы. Некоторые из ребят, кто постарше и посмелее, садились на этих громадин и катались туда-сюда.

Однажды целый отряд солдат решил отправиться в ущелье нашей реки. С ними пошли и мы – дорогу показывать. Шли долго и дошли до небольшого озерца. Уселись на берегу. По озерцу плавали утки. Солдаты закурили, кто-то начал бриться, кто-то стянул с ног сапоги и стал разматывать портянки. Командир вытащил из ножен острый нож и принялся поправлять истертые погоны – добавлял недостающие серебряные звездочки. Нам все было в новинку, и все пленяло глаз и воображение. Нас огорчало лишь то, что мы, не зная языка, не могли разговаривать с ними, но все же умудрялись объясняться жестикующей.

Один из летних дней 1945 года я запомнил навсегда. Осенью того года мне исполнилось десять лет. У нас был очень большой зеленый двор, в котором росли и фруктовые, и просто лиственные деревья. На возвышенности, в верхнем конце двора, моя бабушка, Леонина Пирцхалаишвили, развела огород, где выращивала разную зелень и овощи. Внизу, в противоположном конце, шелестели два высоких стройных тополя, тоже посаженные ее рукой. В густой листве этих тополей гнездились много птиц – их веселое щебетанье оглашало всю окрестность. Тополь любит влажные места, растет он быстро, и его сажают по окраинам дворов для красоты, в этом и состоит его функция, потому как на дрова или для строительства дома тополь не годится. Верхушки наших двух тополей очень живописно смотрелись в

лучах восходящего и заходящего солнца. Созерцать это зрелище было одно удовольствие.

Один из сыновей моей рано овдовевшей бабушки, мой любимый дядя Харитон Квитаишвили, самый отважный из братьев, учился на третьем курсе заочного отделения инженерного училища, когда его призвали на фронт. Одновременно он работал слесарем на одном из тбилисских заводов. Дядя Харитон погиб во время ожесточенных боев на Курской дуге. О его гибели наша семья узнала позднее.

Бабушка всегда работала не покладая рук, считалась передовым членом колхоза. Благодаря ее трудовым успехам нам оставили изрядный кусок земли. Помню, в тот день я находился как раз на этом участке, в бабушкином огороде, за которым в гору шла шоссейная дорога, ведущая к Троицкому хребту. Там, на шоссе, я и увидел группу солдат. Через несколько минут они остановились. Один из них, мужчина лет пятидесяти, с сединой в волосах, приблизился и окликнул меня. Мой, как у нас говорят, «дальний» двоюродный брат (т.е. сын двоюродного дяди) Рубен Квитаишвили, который был много старше меня, пояснил, что этот человек просит

чеснока. Я тут же выкопал знатный пучок и стал стряхивать с него землю. Потом сунул чеснок подмышку, сбежал по откосу и перелез через ограду. Подойдя к солдату, я протянул ему пучок чеснока, словно букет цветов. А у того засияли глаза, он нежно погладил меня своей большой ладонью, обнял, прижал к груди и сказал мне три слова: «Расти большой, мальчик!»

Возле огорода у нас росло дерево инжира, плоды его были сладкие, как мед. Этот сорт в Гурии называют «татрула». От спелости нежная кожица ягод лопается. Я хотел угостить солдата этим инжиром, но они уже должны были поторапливаться, он отказался, и вся группа, обрадованная обретенным чесноком, вскоре скрылась из глаз.

Солдатская еда однообразна, и, конечно, человеку хочется ее чем-нибудь сдобрить, а свежий чеснок с грядки – как раз подходящая приправа.

Лицо того солдата, осветившееся улыбкой, его засиявшие глаза не раз встают перед моим взором, и мне думается, что есть и его невольная заслуга в том, что я, человек в преклонном возрасте, до сей поры сохранил юношеский задор и любовь к жизни.

ПАПА

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Сколько судеб сложилось бы иначе, если б не было войны, сколько жизней прожилося бы счастливей, сколько сынов помнили бы своих отцов...

Папа не помнил... Ему был всего годик, когда мой дед, офицер, погиб под Полтавой. Кто бы мог подумать, что бабушка овдовеет через два года после красивой, веселой, по-настоящему тбилисской свадьбы?

Мой дед полюбил ее с первого взгляда, случайно увидев на улице, когда она возвращалась домой с тренировки по теннису. Корт находился на Плехановском проспекте, во дворе дома №117. Черноволосая, стройная, спортивная, улыбочивая девушка взмахнула ракеткой, поздоровавшись со стоявшим через дорогу соседом, оказавшимся родственником деда. Дедушка, только что вернувшийся со службы, был высокий, подтянутый, статный – очень красивый молодой человек.

«Кто эта девушка?» – поинтересовался он у родственника. И твердо сказал: «Я на ней женюсь!» Так и случилось.

Соседка бабушки, Надя Кавтарадзе, известная модистка, творила невероятные наряды. Она и сшила свадебное платье. Свадьба была многолюдной, веселой, громкой, с традиционной музыкой и гуляла в просторном доме дядюшки моего деда, на улице Семеновской (Варцхиской, Рима). Дед рано потерял родителей, и дядя заменил ему отца.

Дедушка служил на Украине, и скоро молодые собрались в дорогу. Бабушка уезжала со слезами, было тяжело отрываться от родных и ехать в неизвестность. К тому же военная часть располагалась не в столице, а в поселке. Бабушка, привыкшая к городской жизни, чувствовала себя чужой под удивленными и насмешливыми

взглядами местных, смотревших вслед повозке с нарядной девушкой в изысканном платье и туфельках на высоких каблуках. Так молодожены добрались до дома, оказавшегося деревенской избой. Дед делал все, чтобы молодая жена чувствовала себя уютно и не скукала: носил воду, продукты, не забывал про свежий букет цветов. Но тоска по дому не давала покоя, ей хотелось в Тбилиси, к родным, друзьям, привычной городской жизни. К тому же дед собирался на учения, и она должна была остаться одна. Ни уговоры добрых соседей, ни офицерских жен, ни мужа не могли ее удержать. Деду ничего не оставалось, как отправить ее домой.

Радости бабушки не было конца. Но отчий дом неожиданно показался ей чужим, а радость встреч с родными и друзьями не скрыли другой тоски – по мужу, другому дому, людям, ставшими соседями, подругами. Только на расстоянии она поняла силу своей привязанности и любви, и то, что роднее мужа для нее уже никого нет. Она поспешно собралась и вернулась к нему, чтобы уже никогда не расставаться. Но перед самым ее приездом его снова отправили на учения. Ба-

булю ждал букет цветов, подарки, трогательно накрытый стол, приготовленный дедом обед и дом, который уже не казался чужим...

Она вернулась в Тбилиси, когда вот-вот должен был родиться папа. В это время дед воевал в Финляндии. Он увидел сына только через месяц после рождения. «Был такой переполох!» – вспоминала бабушка. Как только дедушка появился во дворе, на улице Пастера, сбежались все соседи, стали причитать и плакать от радости. Тогда еще существовали общие горе и радость, а громко проявленные чувства не считались дурным тоном. Дедушка приехал с огромным чемоданом, заполненным детскими вещичками – подарками для сына. Счастливый и взволнованный, он вбежал в дом, поднял сына на руки и закричал: «Это мой сын, мой сын, посмотрите!» К вечеру весь двор собрался за общим столом, разговорам и радости не было конца. Лишь на другой день дедушка признался, что его отпустили ненадолго и что он хочет забрать бабушку с ребенком с собой, в Западную Украину. Тут же радость погасла. Опять загоревал весь двор, родные. Но что поделаешь: где муж, там и жена. Двадцатилет-

Бабушка Катерина Саакова и дедушка Арутюн Галустян

няя бабушка с месячным ребенком и двадцатипятилетний дед отправились в долгий путь. Ехать предстояло девять дней. Бабушка даже не умела как следует пеленать ребенка, а от переживаний у нее пропало молоко. Пришлось в Ростове сойти с поезда. Их устроили в Доме матери и ребенка, накормили, искупали малыша, дали питание в дорогу, рекомендации, после чего молодые продолжили свой путь. Доехали до Киева, затем до Львова и сутки ехали до Любачова. Это был небольшой городок, где проживали украинцы и евреи, местные и бежавшие из гитлеровской Германии. Каждый дом принимал беженцев, которых становилось все больше и больше. В городке царила тревога, все говорили о войне.

Молодую семью поселили в доме Шнайдеров, интеллигентных, добродушных людей, а после их пригласили к себе Гемзы. Всю жизнь бабушка с благодарностью вспоминала этих замечательных людей, не забывала их странных имен, запомнившихся и мне: Маркус, Ривча, Кайла, Сурале, Элка. С особой любовью отзывалась она об их старенькой бабушке, всей душой полюбившей моего папу и помогавшей его растить. Они жили одной семьей, вместе ели, пили, посещали и христианский храм, и синагогу, отмечали все праздники. Так пролетел год, очень светлый и счастливый в жизни бабушки. Папа вырос и окреп, а мой дед получил награду «За доблесть» и отпуск. На этот раз огорчились Гемзы, особенно старушка. Узнав об отъезде любимого Юрчу, как она его называла, обняла ребенка и так горько плакала, как будто чувствовала, что они уже не вернутся...

Снова родной Тбилиси радушно встречал, а потом со слезами провожал молодую семью. Но до Любачова они не доехали: уже в Киеве их застало страшное известие о войне. Любачов был взят. Дедушке пришлось оставить жену с ребенком на вокзале и ехать на фронт. Прощаясь с семьей, он плакал. Долго смотрели растерянная бабушка и ничего не понимавший папа ему вслед...

Юрий Галустян с мамой

Нужно было возвращаться домой, в Тбилиси. Вместе с женой комиссара и такими же эвакуированными людьми начался долгий путь домой. Целый месяц пришлось скитаться по поездам и пароходам с годовалым ребенком и встретившейся в дороге беременной подругой Галей, женой дивизионного врача. Поезда бомбили, приходилось хватать ребенка и бежать в лес, да еще помогать старикам и детям. Отсиживались в лесу и ждали гудка, после чего ехали дальше. Однажды взорвали последний вагон, который пришлось отцепить, а спасшихся людей разместить по остальным вагонам. Старики плакали, а у одного малыша на ножки вместо носочков и обуви были натянуты перчатки...

На станциях бабушка обвешивалась котелками, чайниками и пролезала под поездами, чтобы успеть набрать воды и найти какую-нибудь еду. Ребенка оставляла подруге. Возвращалась исцарапанная, в ранах и ссадинах...

Так поезд привез подруг в Куйбышев. Их встретил теплый, спокойный вечер, розовый от заходящего солнца, и на миг показалось, что не было никакой войны. Измученных людей поместили в санаторий, бабуш-

ка смогла отправить в Тбилиси телеграмму, что они живы, здоровы и в пути. В военкомате оказывали материальную помощь...

Затем был долгий путь по Волге до Астрахани. Папа уже привык спать на чемодане, а бабушка переживала за беременную подругу. В Астрахани эвакуированных встречали местные жители и забирали в свои дома. Вдруг бабушка услышала, как кто-то спрашивал: «Армяне есть?» Так они познакомились с дружной, хлебосольной семьей добродушного Саркиса. Он посадил уставших и растерянных женщин в фэзтон и отвез к себе домой. Вся семья нянчилась с папой, все суежились, старались накормить чем-то вкусным, приласкать, поддержать молодых женщин и дружно проклинали Гитлера. В ожидании парохода бабушка прожила в этой семье несколько дней, а воспоминания о них, об их тепле и радушии сохранила в сердце на всю жизнь...

Долгий путь домой продолжался и взял направление на Баку. Каспийское море встречало неласково, ураганом и штормом. Для эвакуированных не выделили кают, и снова папа спал на чемодане, а на лучшем месте — беременная подруга.

Папа Юрий Галустян

Затем их пожалели и освободили маленькую каютку с кроватями...

Поезд примчал их в Тбилиси. На тбилисском вокзале взяли фазтон. Извозчик слушал их, всю дорогу плакал и отказался от денег. У него на Украине жили дети, от которых не было известий...

Соседи, как увидели подъезжавший ко двору фазтон, подняли крик, шум, побежали за моей прабабушкой, которая работала в кинотеатре «Паллас» (затем «Амирани»). И снова слезам, разговорам и радости не было конца. Кто знал, что вслед за бабушкой домой шло извещение о гибели деда? Младший брат бабушки Альберт несколько дней держал похоронку в кармане, не решаясь показать сестре, уходил с утра из дома, возвращался поздно с опухшими от слез глазами...

От горя бабушка потеряла второго ребенка, о котором в дороге даже не подозревала...

Подруга Галя родила мальчика, которого в шутку называли Бомбиком, муж вернулся цел и невредим, а мать Гали всю жизнь ходила к бабушке

с гостинцами, уверенная, что это бабушка спасла ее дочери жизнь.

Нужно было жить дальше, растить ребенка. До замужества бабушка работала на киностудии, но с 1942 года, после того как сняли «Георгия Саакадзе», работы не было, ничего не снималось. Пришлось вместе с остальными женами офицеров устраиваться в старый универмаг на улице Марджанишвили – в ателье, где шили для военных рубашки и кальсоны. Там, помимо зарплаты, давали ордера на бесплатную одежду. Летом дружно ездили в села полоть баклажаны и получали запасы провизии, которых хватало на долгое время...

Папа рос спокойным и послушным. Бабушка отдала его в садик, где почти все дети остались без отцов. На каждого ребенка выписывали талон на еду, и если малыш не доедал свой дневной паек, все честно возвращалось родителям, даже крошечные кусочки хлеба.

В военкомате бабушке с папой, как семье погибшего, выдали комнатку в музее шелководства, что напротив парка Муштаид, а затем в маленьком кирпичном домике рядом с парком. В этом домике с черепичной крышей провела первые пять лет жизни и я сама...

Мой папа тоже был муштаидским ребенком, обыкновенным тбилисским пацаненком, росшим без отца и поэтому рано повзрослевшим и ставшим самостоятельным. Бабушке приходилось целыми днями работать, и папа сам собирался в школу, возвращался, обедал, надевал на шею веревочку с ключом от дома и с такими же сорванцами – соседскими мальчишками – бежал к Куре поплавать.

«Кто не плавал в Куре и не знает на вкус ее воды – тот не тбилисец!» – говорил папа внукам. «Она же грязная!» – смеялись дети. «Значит, и нам надо в ней поплавать?» – спрашивали они деда. – «Нет, достаточно того, что ваш дед плавал». Детей удивляло и забавляло все, о чем рассказывал дед. И то, что плавали в Куре и если не следили за одеждой, то могли остаться в трусах, и то, что не было

набережной, и что в самом центре города ходили коровы, а во дворах были огороды, откуда мальчишки таскали огурцы и помидоры, чтобы на берегу Куры устроить пир. И как на целый день ходили в кино с бутербродами в кармане, сто раз просматривая любимые фильмы. Будут помнить дети рассказы дедушки о безруком Шурке, им будут знакомы названия: «Осиповский двор», «Дарбазовский двор», «Адамовские дома», «Голубой магазин», «Аполло», будут знать, где готовили самые вкусные хинкали и где была биржа дудукистов. И многое, многое другое. Наши дети родились в Тбилиси, но тбилисцами их сделал наш папа. Он открыл им тайны, суть и душу нашего города...

С 14 лет папе пришлось совмещать учебу с работой. С тех пор он перепробовал много специальностей, зарабатывал свою копейку, пока, уже после армии, не получил экономическое образование. Поэтому он ценил всех, кто физическим трудом зарабатывал на жизнь...

Романтическая история любви с мамой началась красиво – с приглашения на концерт приехавшей в Тбилиси знаменитости – Розы Армен, и продолжалась всю жизнь. Это был для нас с сестрой пример бесконечной верности, трогательной привязанности, внимания друг к другу, огромного уважения. Даже мой супруг признался: «Как много искренних чувств и тепла я почувствовал в твоей семье».

На своей свадьбе счастливый папа обратился к тестю: «Вы знаете, я не помню своего отца и сегодня в первый раз произношу слово «папа»...

У нас с сестрой было счастливое детство. Папа не спешил усесться у телевизора, он любил гулять с нами. Никогда не забуду эти прогулки: конечно, в родном Муштаиде, где папа сажал меня на казавшиеся огромными аттракционы и просил не рассказывать маме, в зоопарке с вонючими клетками, несчастными животными, но самыми вкусными сосисками в мире, походы в цирк, где я любила сидеть прямо у оркестра, сводившего маму с ума, смотреть представление и есть прине-

сенные папой тоненькие бутерброды с прозрачной колбасой и мороженое. Зимой были санки, снежки, новогодние елки с музыкой и танцами под открытым небом в Муштаиде. А лучшей каруселью были папины плечи! Он не ленился возить нас на машине за город по воскресеньям и в Крым каждое лето.

Папа профессионально плавал. Я помню удивительную ночь в Новороссийске, теплое море и широкую, яркую лунную дорожку. Тогда я не умела плавать. «Держись за меня», – сказал папа, и мы поплыли. С ним мне не было страшно, мы уплывали все дальше и дальше от берега и смеялись...

А вот папа – высокий, элегантный, в костюме и галстуке (он очень любил галстуки и собрал целую коллекцию) вернулся из Еревана, где ему предложили хорошую должность и квартиру. Он отказался от всего, не смог уехать из Тбилиси...

Вот папа с гитарой. У него был хороший голос. Еще в детстве, живя возле Муштаида в нашем маленьком доме, его пение услышал профессор шелководства Кафьян и сказал бабушке, что ребенок очень талантлив. Папа любил, оставаясь один дома, громко петь. Надо сказать, что это передалось и мне! Бабушка купила ему гитару, и он с удовольствием занимался. Петь любил всю жизнь, как и смеяться, и веселить.

Он жил нами и для нас, переживая все наши болячки, болезни, успехи, концерты, поступления в университет, влюбленности, все экзамены, плакал, выдавая замуж, радовался рождению внуков...

Добрый, отзывчивый, жалостливый, бескорыстный... Наша машина была общей для всех родных и соседей. Он безотказно мчался под Новый год за застрявшими в районе соседями, возил соседок в роддом, а подвыпивших гостей – по домам...

И опять-таки все могло сложиться иначе, если б не было другой войны, тбилисской, 1991 года, и не наступило темное, холодное, голодное, смутное время со стрельбой на улицах, разрухой, отъездом дорогих людей...

Свадьба родителей – Юрия Галустяна и Марии Амалбашян

Работы не было. Нам, как и многим тбилисцам, стало очень тяжело. В отчаянье папа уехал в Ставрополь обивать порог двоюродного брата – успешного бизнесмена. Но, как говорится, «сытый голодного не разумеет». Домой возвращаться с пустыми руками не хотелось, пришлось самому искать какую-нибудь работу... Намаявшись вдоволь, вернулся домой с воспалением легких, бронхитом, палочкой колбасы и денежной купюрой – подарком богатого родственника. Тут и началось «хождение по мукам» – по самым известным врачам, посылавшим нас к своим известным друзьям-врачам, те, в свою очередь, посылали еще в какие-то лучшие клиники, аптеки, на рентгены, МРТ... Все продолжалось 13 лет, пока таинственная болезнь, точный диагноз которой мы так и не поняли, не оборвала в 67 лет его жизнь...

Любовь к родителям и любовь родителей к детям – самая великая, самая чистая, бескорыстная, абсолютная... Ведь ни родителей не выбирают, ни детей... В детстве просто любишь, потому что это твои папа и мама. В юности любишь, но споришь, доказываешь, что ты уже взрослый, самостоятельный человек, не нуждающийся в опеке, в зрелости мечтаешь

об этой опеке, но она уже на твоих плечах. И тут рождается другая любовь, другое чувство: когда подрастают собственные дети, начинаешь ценить своих родителей, жалеть, понимать, что они стареют, переживать за каждую морщинку, седину, болячку, цепляешься за каждую встречу и все запоминаешь. Словно прощаешься...

Однажды осенью, уходя от родителей домой, я обернулась: на балконе, как всегда, стояли бабуля и папа и махали мне. Почему-то стало горько. Я отошла за угол дома напротив и долго на них смотрела, как будто чувствовала, что больше это никогда не повторится. Этот эпизод фотографией остался в моей памяти. Где-то в подсознании именно тогда я попрощалась с папой. На два года пережила своего единственного сына бабушка... Может там, в лучшем мире, они, наконец, встретились – дедушка, бабуля и папа – и обнялись. И стали счастливой семьей.

Людей нет, а любовь остается. Только устремляется куда-то во Вселенную, становится необъятной, бесконечной, светлой и очень, очень теплой.

На фотографии – мои дедушка с бабушкой, которые могли быть очень счастливы... И папа...

Дэви Стуруа

ОН БЕСПРИСТРАСТНО ОЦЕНИВАЛ ПРОШЛОЕ

■ **Эмзар КВИТАИШВИЛИ**

Перевод с грузинского
Лали ХАТИАШВИЛИ

Еще с шестидесятых годов, в силу некоторых обстоятельств, у меня сложились близкие отношения с Дэви Стуруа и его семьей. Он был на пять лет старше меня, но это не помешало нам стать друзьями. Его теща, врач Анна Коридзе, и мой отец, вернувшийся из четырнадцатилетнего заключения педиа-тр Давид Квитаишвили, также были закадычными друзьями со студенческих времен и оставались таковыми до конца.

Выдающийся талант и разностороннее образование Дэви Стуруа хорошо известны, и о них неоднократно писали. Его отличали основательные знания грузинской, русской и европейской литературы и поразительная память. Он мог читать наизусть большие отрывки из мировых шедевров. Особо следует отметить его плодотворную журналистскую деятельность, в том числе несколько весьма примечательных документальных рассказов, в которых он проявил завидное знание истории Грузии. С неугасающим интересом читается

его монография о гениальном грузинском романтике Николозе Бараташвили – «Судьба». Из русских поэтов он всем своим существом преклонялся перед Александром Пушкиным и последние годы жизни посвятил тщательному изучению именно его жизни и творчества. С безмерной любовью он бережно собрал уникальные материалы, разложил все хронологически и тематически, но создал лишь скелет, каркас и, к сожалению, не успел придать своему заветному грандиозному замыслу соответствующий вид. При неизменной поддержке преданнейшей жены, прекраснейшей и умнейшей Маквалы Илуридзе в 2007 году в Тбилиси отдельной книгой наконец-то вышла рукопись, оставленная Дэви Стуруа – «Мой Пушкин. Документы и материалы о жизни и деятельности великого русского поэта» (главным редактором и издателем стал наш великий художник и меценат Зураб Церетели). Мы уверены, что, несмотря на свою незавершенность, это произведение займет достойное место в мировой Пушкиниане, и в обозримом будущем непременно ознакомим с ним наших читателей.

В 2002 году, к годовщине смерти Дэви, Маквала Илуридзе подготовила большой сборник, издание которого профинансировал его старший брат, журналист мирового уровня Мэлор Стуруа. Их идеальное братство останется в Грузии легендой. Специально для этого сборника, находясь в Америке, в Миннеаполисе, Мэлор написал мемуары о безвременно умершем брате и назвал их по-грузински: «Карго». Это слово дважды произнесла счастливая бабушка Софи, когда взяла на руки и приласкала младенца Дэви. Я даже не стану описывать, с каким тончайшим лиризмом и очаровательным грустным юмором написаны эти светлые страницы воспоминаний. Их должны прочитать как можно больше людей, чтобы почувствовать благодать художественного слова. Поэтическая натура автора сразу видна в замечании о том, что братья, как сиамские близнецы, были едины и что Дэви всегда пере-

водил произведения брата на грузинский язык. О последних, непереуверенных, воспоминаниях Мэлор с горечью добавляет: «Этот материал осиротел...».

В книге «Карго» собраны благодарственные статьи и письма родственников, друзей Дэви Стуруа и многих людей, кого коснулась его безграничная доброта, — их старательно собрали его сыновья, Георгий и Сосо Стуруа. Мне сложно выделить какой-либо материал из большого оглавления. Но могу смело сказать, что этот сборник, объемом в четыреста страниц, изданный с редким вкусом, является настоящим памятником бессмертной памяти усопшего.

Совсем молодым человеком, 30 лет, Дэви Стуруа был назначен секретарем ЦК Грузии по идеологии, и в течение десяти лет блестяще руководил самым трудным районом; огромное количество энергии и времени было потрачено на очень ответственный поприще. Затем, как это обычно бывает, против него начали плести недостойные интриги (причиной стала ссора с одним человеком), его уволили и назначили директором ИМЭ-Ла.

Припоминаю, как Джансуг Чарквиани, бойкий на язык, утешал его на свой лад: «Дорогой Дэви, не расстраивайся, у коммунистов нет ни мяса, ни сыра, ни масла, одна идеология только и осталась, и ту они снова тебе вручили».

Понижение не очень опечалило Дэви Стуруа, а иногда он даже выражал удовлетворение — теперь у меня гораздо больше времени, чтобы позаботиться о себе. Он невероятно быстро, за полтора года, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Затем занялся весьма плодотворной литературной, переводческой и журналистской деятельностью; одну за другой опубликовал несколько чрезвычайно значительных книг.

Хочу немного рассказать об одной из них. Это публицистический триптих, изданный на грузинском и русском языках, написанный с тактом, утонченным вкусом и непринужденным мастерством — «Сталин, Хрущев, Брежнев», в котором в миниатюре представлена вся

советская эпоха, зарождение и катастрофический крах жесточайшего тоталитарного государства. Наряду со Сталиным, в этой книге Дэви Стуруа превосходно и достоверно описал своего отца, Георгия Стуруа, несравненного рыцаря, человека, без колебаний говорившего правду в лицо. Приведены воспоминания и самого Георгия Стуруа — о том, как у него возникло первое разногласие со Сталиным из-за корабля, груженного пшеницей, несмотря на указание Ленина (наперекор и начальнику чекистов Нейману). Корабль с Северного Кавказа вместо Царицына отправили в Баку. А ранее Сталин предупреждал Георгия: подчинись требованиям Ленина, Баку падет, а хлеб отправьте в Поволжье. Баку действительно пал, и сконфуженного Георгия Стуруа снова вызвали к Сталину. В вагоне поезда на вокзале Царицына упрямого революционера встретил разгневанный Сталин. «Ну что, накормил бакинцев?» — спросил он и добавил по-грузински: «Ну и своенравный же ты. Не будь ты братом Вану, тебя расстреляли бы за такие проделки».

Вану Стуруа, старший брат Георгия, один из основателей

марксистских организаций Закавказья, имел большие заслуги перед Сталиным, который при поддержке Вану был зачислен в «Месаме даси», о чем всегда помнил. Сталин, приехав в Тбилиси в 1926 году и выступив с речью на собрании рабочих главных железнодорожных мастерских 8 июня, поблагодарил всех и отметил, что свое первое революционное крещение получил здесь, в семье Вану Стуруа. Своими учителями он назвал Аракела Окуашвили и других — Джигладзе, Чодришвили, Чхеидзе, Бочоришвили, Нинуа... Речь, опубликованная в «Заре Востока», отличалась необыкновенной скромностью, которую впоследствии редко проявлял «вождь мирового пролетариата».

В самом начале книги Дэви Стуруа с огромным внутренним трепетом вспоминает весну 1946 года, когда его отцу из Сухуми позвонил Калинин (там же находился и Сталин, отдыхал в Синопе) и пригласил всю семью к себе. Поехать смогли только Георгий Стуруа и его младший сын (Дэви исполнилось 16 лет). В воспоминаниях живо и красочно описывается тамошняя обстановка. На третий день туда приехал Сталин. Быстро

Георгий Стуруа с сыновьями Мэлором и Дэви

выйдя из машины, Сталин направился к Калинин и обнял его. Автор в деталях передает движения Сталина, его внешность, подчеркнута простота, повседневную одежду. Он кивнул и поприветствовал всех собравшихся на небольшой площади. Там же говорится: «Когда взгляд Сталина упал на отца, в его глазах появилось легкое удивление. Он подошел к отцу тем же мелким шагом, пожал ему руку и после короткой паузы спросил по-грузински: «Ты все еще такой же своенравный, Георгий?» Отец не ответил. Затем Сталин взглянул на меня, охваченного волнением юношу, улыбнулся и протянул мне свою маленькую, красивую руку. Я пожал ее и почувствовал, как земля уходит из-под ног».

По этим словам («Ты все еще такой же своенравный, Георгий?») видно, что рязбой вождь помнил все, сколько бы времени ни прошло. В этом же эпизоде рассказывается о душевных терзаниях, которые испытывал благородный Георгий Стуруа, всем своим существом переживавший аресты и гибель тысяч невинных людей. Он сохранил книги репрессированных писателей Михаила Джавахишвили, Тициана Табидзе и затем отдал их своим детям на память, открыто выражая скорбь и недовольство.

Доноскики уведомили об этой ситуации Сталина, и тот, при содействии грузинских коммунистов, в частности Кандида Чарквиани, отстранил министра безопасности Георгия Стуруа от поста председателя Верховного Совета. Как выяснилось, винювник тысячи мерзостей, «карлик-садист» Николоз Рухадзе подстрекал Сталина лишить Георгия Стуруа всех почестей и привелегий и переселить вместе с семьей в Среднюю Азию. На что Сталин не дал согласия и приказал... назначить Георгию более высокую пенсию, и чтобы никто не смел его трогать.

Я слышал это от самого Дэви: «Мой отец однажды сказал мне с сожалением: Бог наказал меня несправедливо, он отнял у меня чувство страха, это большое несчастье». Справедливость этих слов была подтверждена впоследствии не

один раз.

Я не буду останавливаться на всех случаях в этом кратком предисловии. В конце 1949 года, когда весь мир поздравлял всесильного «красного императора» с 70-летием (поток поздравлений шел больше года), Георгий Стуруа направил Сталину «письмо, полное упреков и праведного гнева», которое не было похоже ни на одно другое. Так и не избавился от своего своенравия Члены семьи были уверены – если адресат прочтет эти разоблачительное письмо, на них обрушится беспощадная ярость. Но этого не произошло. В конце декабря, поздней ночью позвонил секретарь Поскребышев: «Товарищ Сталин прочитал ваше письмо. Он примет вас».

Принять не принял, но и никакого гнева не проявил на фоне бесчисленных лстивых поздравлений. Автор, пытаясь объяснить это обстоятельство психологически, предлагает правдоподобное объяснение: «Кто знает, может быть, прямые, резкие слова настоящего революционера (а не мерзкого лицемера и раба) понравились Сталину и вызвали в нем благородное движение души. Кто знает?»

После смерти Сталина руководство республики напомнило Георгию Стуруа, что вождь обошелся с ним несправедливо и жестоко, и предложило выступить против Сталина, но он ни за что не мог позволить себе совершить такой недостойный поступок. Однако прекрасно понимал, что именно на Сталине лежит львиная доля ответственности за кровавые репрессии. Он был безмерно рад реабилитации невинно осужденных и погибших, и, хотя был уже стар, всячески помогал прокуратуре в выполнении этой благородной задачи, предоставляя необходимую письменную информацию.

Георгий Стуруа вместе с сыновьями присутствовал на грандиозном торжественном собрании, посвященном 70-летию Сталина, которое также впечатляюще изображено в этих воспоминаниях. Рассказчик поражен безмерным подхалимством и перешедшими все границы лстивыми эпитетами,

подобных которым не удостоивался ни один правитель в мире и которые, не шевелясь, с каменным лицом, не дрогнув ни одним нервом, слушал Сталин. Среди выступавших особо отмечен долго говоривший Мао Цзэдун, у которого был странно тонкий голос по сравнению с его крупной фигурой. Юбилар не проронил ни единого слова благодарности тем, кто возносил его до небес. И здесь невольно вспоминается, как приехавший в Тбилиси Сталин чуть ли не заискивал перед Аракемой Окуашвили и старыми тбилискими железнодорожниками. Впечатляющее перевоплощение.

В перерыве, перед концертом, Мэлор и Дэви спрашивают отца, почему Сталин такой неблагодарный, и удивляются несколько резкой реакции родителя. Приведем эту часть диалога:

– Вы рассуждаете, как настоящие обыватели. Почитайте любую речь или статью Сталина. В каждой из них есть что-то принципиально новое для своего времени. Так было до войны, во время войны и сейчас. Сталин никогда не пишет и не говорит ради того, чтобы только писать и говорить. Вы плохо знакомы с его произведениями.

– Да, но разве он не мог просто поблагодарить выступавших и присутствующих, не сообщая каких-либо новостей? – возразил Мэлор.

– Нет, не мог, тогда он не был бы Сталиным, – заключил отец.

Мемуары Дэви Стуруа становятся еще более интересными благодаря историям, рассказанным Анастасом Микояном, другом детства Георгия Стуруа. Так, из одного рассказа мы узнаем, что стареющий диктатор с сотрапезниками, приглашенными к нему на дачу, был не менее своенравен, чем Георгий Стуруа. Причем его своенравие было совсем иного масштаба – случалось, по вине одного-двух интриганов гибли тысячи невинных людей.

Мы не сомневаемся, что воспоминания Дэви Стуруа доставят читателю большое удовольствие, ведь в них историческая реальность сочетается с редким художественным талантом, а эпохальные события представлены изящно и беспристрастно.

СТАЛИН, ХРУЩЕВ, БРЕЖНЕВ

Воспоминания, портреты

■ Дэви СТУРУА

СТАЛИН

Была весна 1946-го.

В один из воскресных вечеров у нас на квартире зазвонил телефонный аппарат «ВЧ» (я считаю излишним объяснять читателю, что это за аппарат, ибо он присутствует в бесчисленных исторических, художественных и мемуарных произведениях). Я снял трубку.

— С вами говорит помощник Михаила Ивановича Калинина. Будьте добры, попросите к аппарату Георгия Федоровича, с ним хочет поговорить Михаил Иванович.

Как это ни странно, отец был дома (в то время, которое ныне называется административно-командным или тоталитарным; люди, особенно командный состав, работали практически круглосуточно, без дней отдыха и праздничных каникул). Отец взял трубку.

М.И. Калинин, освобожденный от поста председателя Президиума Верховного Совета СССР из-за резко пошатнувшегося здоровья, отдыхал под Сухуми, в Синопе (бывшее по-

местье Смецкого, создавшего в Синопе настоящий субтропический рай). Отец хорошо знал Калинина по нелегальной партийной работе в Тбилиси, а затем был его заместителем, являясь председателем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР.

Калинин приглашал всю нашу семью погостить у него в Синопе несколько дней. Мать была больна, старший брат Мэлор находился в Москве, и в Сухуми поехали на следующий же день отец и я.

Михаил Иванович встретил нас радушно, несмотря на тяжелый недуг (сильно запущенный диабет). Хотя Калинин носил специальные очки, напоминавшие миниатюрный бинокль, он плохо видел и во время разговора вплотную приближался к собеседнику, чтобы хорошо разглядеть его.

Мы расположились в просторной комнате с балконом, находившейся на первом этаже бывшей виллы Смецкого, где годами проходила неведомая

нам жизнь обитателей этого чудесного дома.

На следующий же день после нашего приезда в Синоп, по воле гостеприимного хозяина, я был «произведен» в его «секретари». В чем это выражалось? В основном в том, что я читал ему вслух поступившие многочисленные газеты. Читка имела совершенно определенную систему — вначале я прочитывал заголовки статей и заметок той или иной газеты. Затем Михаил Иванович говорил мне, с какой статьи надо начинать чтение, и я приступал к выполнению своих обязанностей. Нередко он обрывал чтение словами — «это ерунда!» и велел переходить к другому материалу. Бывало и так, что тот или иной номер «Правды» или «Известий» состоял сплошь из «ерунды», что меня в то время очень удивляло.

Мое «секретарство» Калинин объяснял следующим образом: «У моего секретаря, с которым мы почти однолетки, старческий, дребезжащий голос, как, впрочем, и у меня. А у тебя, сынок, молодой, звонкий голос, да еще с кавказским акцентом, который я так люблю с молодых лет».

Была, на мой взгляд, еще одна причина, в силу которой меня произвели в секретари хозяина дома. Когда Калинин приглашал нашу семью в Синоп, он, между прочим, попросил отца захватить с собой несколько пачек папирос и найти способ передать ему эти папиросы так, чтобы этого не заметили врачи и секретари, ни на минуту не оставлявшие Калинина без присмотра.

Отец нашел следующий способ (он, в отличие от своих сыновей, был отличным умельцем, имел набор различных инструментов и любил мастерить): он вырезал продолговатый прямоугольник из плотного картона, уложил на него в три ряда папиросные коробки «Рекорд», несколько раз тщательно обернул их тонкой голубой бумагой и обвязал цветной же лентой. Было полное впечатление, что это — конфетная коробка или, как ее называют, бонбоньерка.

Когда поздороваешься с Калининым, передай ему коробку

и скажи: это Вам просила передать мама. Ни в коем случае не говори, что это конфеты, это ведь и так должно быть ясным. Если же будешь нажимать на то, что это именно конфеты, то врачи и секретари заподозрят неладное, и вся операция провалится.

Но если ему запрещено курить, то зачем мы возем ему папиросы?

В ответ отец махнул рукой.

Все было разыграно по сценарию. Мне и в голову не пришло послушаться отца. Мы — сыновья — безумно любили его, но и побаивались, хотя понимали, что за напускной суровостью проступает большой, очень сильный и очень добрый человек.

Когда я передал Калинин «коробку конфет» (в наши дни

революционной перестройки в Грузии коробку конфет днем с огнем не сыщешь), он поцеловал меня и шепнул: «Молодец, сразу видно, что сын старого конспиратора». Врачи и секретари снисходительно улыбались этой идиллической картине, совершенно не подозревая, что действительно находится в этой столь элегантной коробке. В дальнейшем, в процессе читки прессы, я поделился с Калинин собственным опытом тайного курения, чем очень рассмешил и расположил в пользу себя хозяина дома.

На третий день нашего безмятежного пребывания в Синопе к самой вилле на «ЗИСе» подъехал чуть выше среднего роста, довольно полный генерал, который, поздоровавшись только с Калинин, сказал:

— Через два часа вас навещит товарищ Сталин, — и тут же уехал (очевидно, это был Властик, запомнилось его очень русское добродушное лицо).

Отец сказал Калинин, что мы переберемся в сухумскую гостиницу, на что хозяин дома ответил:

— Ни в коем случае. Товарищ Сталин пробудет здесь не более получаса, оставайтесь, бога ради.

К великому моему счастью, отец согласился, и все мы — Калинин, отец, охрана, врач, секретарь Михаила Ивановича и я — в ожидании Сталина стали прогуливаться на площадке перед виллой Смецкого (кстати, как хорошо, что Смецкому поставили, наконец, памятник на территории созданного им великолепного парка).

Через некоторое время через центральные ворота в парк въехали три грузовика с солдатами, которые мигом соскочили с машин и рассеялись, как по команде, по парку. Чуть позже появились легковые автомашины, из которых вышли офицеры и тоже скрылись из виду. Вся эта «подготовительная работа» хорошо была видна с площадки виллы, выстроенной на возвышенности парка.

Наконец, в парк въехали медленным ходом три лимузина, и мне чуть не стало дурно — неужели я увижу Сталина не на портретах в газетах, на холсте или в камне, а живого, настоящего, во плоти. Напомню читателю, что на календарном листке значился первый послевоенный год, год огромного подъема, вызванного победой над сильным и коварным врагом — фашистской Германией, а автору этих строк исполнилось всего шестнадцать лет. Все мы были воспитаны с безграничной любовью к Сталину, хотя я от отца знал, что далеко не все, пострадавшие в тридцать седьмом, были «врагами народа». Когда моему старшему брату Мэлору исполнилось шестнадцать лет, отец подарил ему однотомник стихов Тициана Табидзе, а мне — роман Михаила Джавахишвили «Арсен из Марабды». Оба — и Тициан, и Джавахишвили — погибли в тридцать седьмом. Ровно через два года после нашего

пребывания в Синопе, то есть в 1948 году, отец поставит вопрос о реабилитации невинно погибших во второй половине тридцатых годов и будет снят с занимаемого поста, как человек, проявивший «сочувствие по отношению к троцкистам» (заинтересованный читатель может ознакомиться подробно с этим вопросом в Партийном архиве Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС – Протокол «Особая папка» N 696 бюро ЦК по вопросу Стуруа Г.Ф., листы 6-43). Тогдашнее руководство ЦК КП Грузии и министр госбезопасности Рухадзе – мерзкий карлик и садист – ставили перед Сталиным вопрос (это нам рассказал после смерти Сталина А.И. Микоян) об исключении отца из партии и высылке всей семьи в Среднюю Азию. Сталин, однако, не дал согласия. По словам А.И. Микояна, он сказал следующее: «Грузинские товарищи не хотят иметь в руководстве Стуруа. Стуруа всегда был своевольным и даже упрямым. С годами, видимо, эти его черты усилились. Предлагаю согласиться с грузинскими товарищами в части его освобождения. Что касается его исключения из партии и высылки из Грузии, якобы из-за симпатии к троцкистам, все это чепуха. Он имеет большие заслуги перед партией. Дать ему максимум персональной пенсии и не смей трогать».

Это отступление имеет отношение к основному повествованию, особенно к тому, что сказал Сталин отцу на площадке перед виллой Смецкого, но давайте все по порядку.

Итак, три лимузина въехали медленным ходом на территорию парка и через пять-шесть минут подъехали к площадке перед виллой. Тот самый генерал, который сообщил Калинину о приезде Сталина, быстро выскочил с переднего сиденья средней машины, приоткрыл заднюю дверцу и застыл в привычной (так мне показалось) благоговейной позе.

Сталин без труда вышел из машины и короткими, твердыми шагами, как бы переваливаясь всем корпусом то влево, то вправо, направился прямо к Калинину, обнял его, но без поцелуев, прижал к себе на секун-

ду, потом кивком головы поздоровался со всеми, кто застыл на площадке перед домом. Когда его взгляд упал на отца, глаза выразили легкое удивление, все такими же короткими, уверенными шагами Сталин подошел к отцу, поздоровался с ним за руку и после, как мне показалось, длинной паузы спросил по-грузински: «Шен исев исети ахиребули хар?». По-русски это означает: «Ты все такой же...». Точного перевода грузинского слова «ахиребули» я не нашел; это нечто собирательное таких понятий, как «упрямый», «своенравный», «чудаковатый». Потом, снисходительно улыбнувшись застывшему от восторга и обожания юноше, то есть мне, он протянул маленькую красивую руку, и я пожал ее, еле устояв на ногах.

На Сталине был желтоватого цвета фланелевый китель и фланелевые же брюки. И китель, и брюки были невероятно помятыми, на ногах – штилеты (полусапожки) с изношенным, сильно потертым верхом и большими латками с обеих сторон (очевидно, чтоб подагрические суставы ног не испытывали нажима обычной обуви). Это было невероятно! Сталин в безбожно помятом, вряд ли когда-нибудь глаженном кителе, с поношенной, залатанной обувью! Это так потрясло меня, что я с опозданием стал всматриваться в его лицо и весь его облик. Он был сложен пропорционально, и когда стоял, отделившись от собеседников, выглядел вовсе не низкорослым. Свидетельствую – никаких длинных рук, никаких жирных пальцев, никакого мясистого носа, никакой впалой груди и обвислых плеч. Это был ладно скроенный карталинский крестьянин, каким-то чудесным образом перевоплотившийся в Сталина, творившего беззакония, представьте, без тех внешних искажений, которые приписывали и приписывают ему целые легионы историков, публицистов, писателей...

Продолжаю жадно фотографировать взглядом Сталина. Круто посаженная, правильной формы голова, волосы почти полностью седые, небольшая плешь, седые же усы ближе к губам чуть рыжеватые, вероят-

но, следствие частого курения (во время своего сорокаминутного пребывания на вилле Смецкого Сталин ни разу не извлекал своей легендарной трубки или обычных папирос), брови чуть темнее волос, а под ними – это я запомнил хорошо – поразительно молодые черные или темно-карие, чуть раскосые, глаза. И опять я должен разочаровать «специалистов» по Сталину. Никакой желтизны и тем более мути от глаукомы. «Я хотел прочесть смятение в его рысых глазах, – писал в своих мемуарах Черчилль, воссоздавая эпизод, когда Сталин в Потсдаме внешне никак не среагировал на сообщение Трумэна об успешном испытании американцами атомной бомбы. «Рысьи глаза...». Действительно, когда Сталин шурился на солнце, прикрываясь рукой, его чуть раскосые глаза и вправду были похожими на рысьи...

Когда он поворачивался к собеседнику, то делал это не головой, а всем корпусом, что также составляло особенность его облика.

Сегодня я знаю все или почти все, что сделал этот жуткий человек. И все же эти ужасные беды натворил пропорционально сложенный человек с поразительно молодыми, черными или темно-кариими глазами, а не урод с длинными руками, жирными пальцами, мясистым носом, впалой грудью, обвислыми плечами и глаукомой, которые почему-то не заметили ни Черчилль, ни Рузвельт, ни де Голль, ни Гопкинс и т.д.

Сорок минут пролетели как миг... Так же легко уселся Сталин на среднее сиденье старенького бронированного «Паккарда». Власик, захлопнув заднюю дверцу машины, втиснулся на переднее сиденье, и лимузины так же чинно, как въехали в парк, тронулись с места. Сказке быстро наступил конец. Машинально смотрел я, как офицеры уселись в легкие автомашины, а солдаты – в грузовики, и с глаз долой, а парк Смецкого зажил обычной жизнью, – оказывается, певчие птицы выводили сложные рулады, и цикады стрекотали пуще прежнего.

Постепенно я приходил в

Дэви Стуруа в музее Сталина

себя, и по мере протрезвления передо мной возникала новая проблема, почему Сталин задал этот вопрос отцу, который, по моему, никоим образом не был «ахиребули», то есть своенравным, упрямым и чудаковатым?

Почти до 5 часов утра рассказывал мне отец истории, которые могли способствовать тому, что Сталин составил такое, на мой взгляд, неверное представление об отце.

Я здесь приведу два рассказа отца о Сталине, которые он доверил бумаге, но с некоторой осторожностью, с учетом того, что они могут попасть в «не те руки». Привожу их почти полностью, с некоторыми сокращениями и восстановлением тех пассажей, которые отец опускал из-за осторожности, но которые записаны мной много позже по его устному рассказу.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА В ЦАРИЦЫНЕ

Это было в 1918 году. Я был чрезвычайным комиссаром на Северном Кавказе по делам обеспечения продовольствием Баку и его районов. Я представил свои соображения руководителям Бакинской коммуны, которые сводились к тому, что хлеб можно заготовить на Северном Кавказе, в районе Кизляра, куда можно проникнуть только через Каспийское море. Конкретизируя это предложение, я просил Шаумяна и Джапаридзе дать указание на-грузить пароход промтоварами,

главным образом, — мануфактурой и разными скобяными изделиями, — так как советские боны не имели цены для хлебодержателей — крестьян, а нужда в промтоварах у них была огромная, причем Баку имел промтовары в изобилии. Кроме того, я просил дать быстроходный катер для сопровождения и обслуживания грузового парохода. И, наконец, третья моя просьба была разрешить мне отобрать из бакинцев по моему усмотрению 50 человек, вооружив их как следует.

Все мои предложения были приняты. Правда, товарищ Алеша Джапаридзе вначале отнесся к этому скептически, назвав мой проект фантазией, на что товарищ Шаумян ответил, что это не фантазия, а смелое решение, только требуется столь же смелое его выполнение...

Через каких-нибудь 15 дней мы нагрузили наш корабль «Кокум» хлебом в количестве пяти тысяч пудов, предварительно выгрузив промтовары из парохода. Таким образом, первая партия хлеба была отправлена в Баку, а подвоз хлеба и обмен на промтовары продолжались, чтобы грузить следующую партию.

Товарищ Шаумян, когда получил пароход с хлебом, прислал мне через капитана «Кокума» короткое, теплое письмо, в котором лестно отозвался о нашей работе. Он писал: «Жалко, что у нас мало таких «фантазеров», как Вы», намекая на

Алешу.

Вот уже пароход нагружен и готов к отправке. В это время наши ребята заметили, как по берегу Каспийского моря к нам пробирается какая-то группа людей. Я немедленно выслал навстречу им 30 вооруженных. Оказалось, что это товарищи из Астрахани — отряд чекпродовской комиссии, состоящей из латышей во главе с товарищем Нейманом. Узнав, что мы отправляем пароход с хлебом в Баку, Нейман предложил мне отправить пароход не в Баку, а в Царицын...

В ответ на мой отказ он резко пригрозил арестом, на что, в свою очередь, я спокойно заявил — если он будет продолжать в том же духе, сам будет арестован и посажен в трюм парохода, где получит паек — одну осьмушку хлеба. Тогда он, расстегнув кожаную куртку, вынул из-за пазухи какую-то бумагу и дал мне в руки прочесть. Я читаю. Бумага эта оказалась мандатом, который был подписан Лениным. Этим мандатом предлагалось Нейману отбирать хлеб, у кого бы он ни находился, и кому бы он ни принадлежал, и отправлять в Царицын. Прочитав мандат, я сложил его и вернул Нейману, заявив, что если бы Ленин сейчас был здесь, то

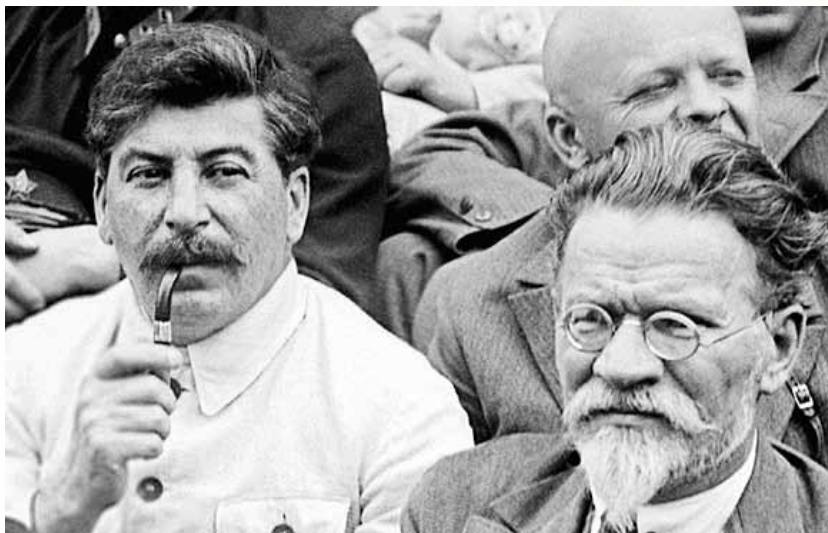

он никогда не сказал бы не отправлять хлеба бакинскому пролетариату, который задыхается от голода, и что хлеб надо отправлять в Царицын.

Правда, я все это так и заявил Нейману, но в то же время про себя подумал, что дело имею с мандатом, подписанным самим Лениным, а не кем-либо другим. И я стал подумывать — как быть. Я решил «проскакать» на своем быстроходном катере в Царицын, где тогда находился товарищ Сталин, чтобы получить от него указание, как мне поступить с хлебом — в Баку его гнать или в Царицын. Решил и поехал к Сталину.

В Царицыне я узнал, что штаб Сталина — в его поезде, который стоит на царицынском вокзале. Приезжаю на вокзал, а там мне говорят, что Сталин в городе. Он находился в гостинице, название ее сейчас не припомню, и принимал руководителей гражданских организаций и учреждений...

Я был принят товарищем Сталиным. Он сразу же задал вопрос — зачем я приехал. Я начал свой доклад с предисловия. Он чуть ли не на третьем слове оборвал меня и повторил свой вопрос — зачем приехал. Я тоже понял, что, действительно, ему не до предисловий, и решил прямо перейти к существу вопроса. Однако мне это не удалось, и все же начал опять с предисловия, правда, с короткого. Тогда Сталин говорит мне: «Лучше скажите, зачем приехали, отбросьте ваши предисловия». Я понял, что у меня сорвется разговор, если не начну с дела, и сразу сказал, что у меня в Кизлярском районе заготовлен хлеб для Баку, а отряд чекпрода требует от меня гнать хлеб не в Баку, а в Царицын, причем добавил, что отряд возглавляет товарищ Нейман, у которого имеется мандат за подписью Ленина, и как быть. Товарищ Сталин сказал буквально следующее: «Так, как предлагает Ленин...». «Как, — говорю я, — оставить без хлеба бакинский пролетариат?» Еще раз оборвав меня, Сталин сказал внушительно: «Баку мы все равно не удержим. Баку падет. Задача состоит в том, чтобы удержать Поволжье. Если его

И. Сталин и М. Калинин

удержим, спасем Советскую власть и Баку вернем обратно. Если потеряем Поволжье, голод удушит Советскую власть, ибо без Поволжья не будет хлеба, поэтому давайте не будем отправлять Ленина, сделаем так, как предлагает Ленин». После этого я переспросил: «Значит, хлеб гнать в Царицын?». Сталин коротко ответил: «Да».

На этом закончился наш разговор. Мы распростились, и я ушел. Сел на свой катер и еду со всей скоростью на Старотеречную, а по дороге сижу и все время решаю вопрос — как быть — в Баку или в Царицын? Вопрос решаю иногда в пользу Царицына, иногда (большею частью) в пользу Баку. Но приехал в Старотеречную и все же не решил окончательно — как быть. Как только сошел с катера, увидел и свой пароход с хлебом, и самого Неймана, сразу решил — гнать хлеб в Баку.

Решая так, я был глубоко убежден, что так поступил бы и товарищ Ленин. Я отдал капитану «Кокума» распоряжение — сняться с якоря и взять курс на Баку. Товарищ Нейман начал нервничать и что-то невнятно говорить. Я его призвал к порядку, а пароход в это время стал грузно поворачиваться и взял курс на Баку, а Нейману я предложил подняться ко мне на палубу катера чай пить со мной. Он нехотя медленно пошел за мной. Мы стали чай пить и разговаривали обо всем, а наш «Кокум» удаляется все дальше по направлению к Баку. Наконец, «Кокум» на горизонте и еле-

еле видна мачта его, как вдруг ко мне на палубу катера подбегает радист и докладывает: «Товарищ комиссар, только что поймал по радио, что Бакинская коммуна пала и образовалось правительство Центрокаспия».

Я понял сразу всю глубину своей ошибки, что не выполнил указание Сталина. Вскочил, как ужаленный, забежал в каютку капитана катера и говорю: «Немедленно сняться с якоря, догнать «Кокум». — Есть, товарищ комиссар, «догнать «Кокум», — повторил капитан по-военному, и мы через пять минут летели, как стрела, вдогонку «Кокуму». Мы догнали его и предложили капитану «Кокума» повернуть назад пароход и ехать в Царицын, что он и сделал, а я вернулся обратно в Старотеречную, чтобы забрать свой отряд.

Как видно, Нейман доложил Сталину обо всем этом, и меня вызвали к нему. На этот раз встреча состоялась в вагоне.

«Что, — спросил он, — накормил бакинцев хлебом?». И добавил по-грузински: «Ты, видно, какой-то ахиребули. Если б ты не был братом Вано, я б тебя расстрелял за эти номера».

(Вано Стурца — старший брат отца, один из создателей партийных организаций Закавказья, рекомендовал Сталина в первую марксистскую революционную организацию на Кавказе «Месаме даси» — «Третья группа»).

Продолжение следует

СИЛА ПРИРОДЫ, ИЛИ ХРУПКОСТЬ МИРА В ЖЕНСКИХ РУКАХ

■ Алена ДЕНЯГА

Итальянский художник Лоренцо Куинн создал ряд скульптур под названием «Сила природы». Он изобразил земной шар, вращаемый матерью-природой. Скульптуры установлены во многих городах мира. Расположена она и в Дохе – там, где воды Персидского залива омывают берега Аравийского полуострова.

Символично, что форум под девизом «Женщины русского зарубежья: сохраняя прошлое, создаем будущее» проходил в этом аутентичном, совершенно новом современном городе, пропитанном ароматом восточных специй. Очередную IV Евразийскую встречу российских соотечественниц принимали КСОРС Катара и Посольство РФ в Катаре в лице посла Дмитрия Догадкина. Идею создания эмблемы навеяли русские сказки и былины: лебедь – олицетворение женственности и верности.

ДЕЛУ ВРЕМЯ

У каждого города свой стиль и настроение свое. У Дохи оно изумрудное – под стать цвету залива. На улице +39 – и это еще не жара. Как говорят местные, с мая у них под +50 и вот тогда дышать совсем нечем. Пустыня – она такая.

Но заходишь в помещение – и начинаешь кутаться в шарфы и во что придется, потому что кондиционеры работают во всю мощь, без них выжить невозможно.

Программа форума предусматривала один день насыщенной работы – с утра и до вечера участницы были на слушаниях и лекциях с перерывом на кофе-брейк. Но и в кулуарах работа продолжала кипеть, а обмен мнений и эмоций зашкаливал. Все это в дружественной атмосфере встреч старых добрых знакомых и, конечно, новые знакомства с представителями разных стран.

Шутка сказать, около 50 стран мира, включая самые от-

даленные – Австралию, Китай, Корею, Японию... В рамках мероприятия поднимались вопросы сохранения исторической памяти, традиций, изучения и продвижения русского языка и культурного наследия и многое другое.

Спикеры обсуждали актуальные проблемы, с которыми сталкиваются соотечественницы вдали от родины, их сложную миссию «проводниц» духовно-нравственных ценностей среди подрастающего поколения.

Выступающие: заслуженная артистка России, политик Елена Драпеко, сенатор, член Совета Евразийского женского форума Елена Афанасьева, президент РОО «Интернацио-

нальный Союз женщин» Альфия Амирова, руководитель АНО «Национальный центр исторической памяти» Елена Малышева, представители Министерства науки и образования РФ, Россоотрудничества, Федерального агентства по делам СНГ...

Что очень ценно – за столь короткий период были заложены основы для новых межрегиональных проектов в сфере русского языка и литературы как в очном, так и в формате «онлайн».

Одним из ярких моментов нашего пребывания в Дохе стал премьерный показ спектакля «Победа. Женские судьбы» – несколько трогательных историй женщин во время Великой Отечественной войны. Постановка примечательна еще и тем, что репетиции участников представления проходили «онлайн». Это соотечественницы из Всемирной федерации русскоговорящих женщин – Галина Кетова, председатель общественного объединения «Союз соотечественниц» Кыргызстана, Альфия Фабр, президент французской Ассоциации «Русские дети Монпелье», Ольга Шувалова, представительница КСОРС Испании, а также Мария Дарвиш и Николай Украинцев, члены катарского молодежного клуба «Перекресток» во главе с председателем КСОРС Ка-

тара Катериной Кременской. Сценаристом и режиссером выступила Галина Кетова, актриса Русского театра драмы им. Ч. Айтматова, заслуженная артистка Кыргызстана.

На протяжении всего представления в зале стояла тишина... Спустя 80 лет со Дня Победы эта тема никого не оставляет равнодушным. Семейные «книжки» памяти есть у каждого.

Женщины-соотечественницы: они поражают – все очень разные, с удивительными судьбами, переплетениями путей-дорог. У многих из них смешанные семьи, мужья-иностранцы. Они интегрированы в культуру страны проживания, но что важно – несут в себе русскую культуру. И их призвание передать и пронести ее и дальше. Представительницы КСОРС за рубежом оказывают юридическую помощь соотечественникам, проводят мероприятия культурной и социальной направленности – концерты, флешмобы, театральные постановки, организуют тренинги для педагогов русского языка и многое другое.

В интерактивной обстановке состоялись лекция «Великие женщины России» кандидата исторических наук, доцента кафедры национальной экономики РАНХиГС Марианны Алборово и мастер-класс «Построение эффективных команд и управ-

Спикеры IV Евразийской встречи российских соотечественниц в Катаре

Ловцы жемчуга в Катаре

ление конфликтами» кандидата психологических наук, эксперта НИУ «Высшая школа экономики» и РАНХиГС Аллы Поповой.

ВОСТОЧНОЕ ПОСЛЕВКУСИЕ

Для участниц форума была организована экскурсионная программа по местным достопримечательностям. Среди ярких впечатлений — посещение Национального музея Катара. Это интереснейший архитектурский проект француза Жана Нувеля в форме кристаллических лепестков «розы пустыни»

Сцена из спектакля «Победа. Женские судьбы»

(прим. это уникальная разновидность минерала, образующего форму цветка). История Катара началась с добычи жемчуга — с тяжелого рискованного труда. Но в этой сфере свершилась маленькая революция: когда японец Кокити Микимото разработал метод и основал свою ферму по выращиванию культивированного жемчуга, в Персидском заливе наступил период глубокой депрессии, ловцы жемчуга сжигали свои лодки, сети, рабочий инвентарь... Все изменилось в 1916 году — Катар вступил под протекторат Великобритании. Именно британцы нашли сперва нефть, а после — месторождение газа. И страна начала богатеть. Среди пустыни на голом песке вырос удивительный город.

Очень выгодно сказалось на экономическом развитии страны проведение в 2022 году в Катаре чемпионата мира по футболу — были открыты новые пляжи, построены отели, стадионы и спорткомплексы.

Здесь постепенно отвоевывают территории у залива — это насыпные острова, где возводятся элитные жилые постройки, а также искусственно высаженные на мусорных кручах зеленые холмы с грамотно организованным капельным поливом (не забывайте, страна находится в пустыне!)

Удивительно, что лишь за последние три десятилетия город в пустыне принял тот облик, который поражает нас сегодня.

Катарцы почитают птиц. В

тренде — соколиная охота. В центре города находится соколиный госпиталь.

Базар Сук Вакиф насчитывает 200-летнюю историю. Сегодня он воссоздан в своем первоизданном традиционном катарском виде. У рынка свои законы. С утра здесь затишье. «Раскачиваются» к середине дня и самое ходовое время это вечернее — здесь шумно, громко и ярко.

Кто, побывав на восточном базаре, не терялся в бесконечных рядах — не был на восточном базаре. Заблудившись в крытых переходах, он несет тебя, как река, попадаешь на птичий ба-

зар, где с одной стороны тебе в ухо проорет голосистый петух, а с другой — огромных размеров зеленый попугай, которому вторят сотни разноцветных волнистых попугайчиков. Ароматы восточных масел уда и сандала преследуют тебя, и когда ты наконец вырываешься из торговых рядов, с набережной тебя обдаст свежим соленым ветерком.

Все хорошее быстро заканчивается. Расставались с надеждой и верой, что все задуманные проекты осуществляются, а новые встречи не за горами.

И напоследок. Николай Рерих считал: «чтобы полюбить Родину, надо познать ее. Пусть познавание чужих стран лишь приведет к Родине, ко всем ее несказуемым сокровищам». Будем помнить свои корни, свою историю, чтить и уважать память предков.

С Героями Советского Союза М. Егоровым и М. Самсоновым

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Годердзи РТВЕЛИАШВИЛИ

Дети войны.

Так называют поколение родившихся до сентября 1945 года.

Я принадлежу к этому поколению.

Мне трудно вспомнить дошкольные годы... Но день 5 марта 1953 года врезался в память. Я, мальчишка, ученик 2 класса, в прохладный мартовский день стою на улице, стоят все люди, стоит транспорт, гудят сирены заводов, фабрик, сигналят машины, а лица людей – серьезные, грустные. На зданиях – государственные флаги с черной муаровой лентой, портреты Сталина в черной рамке. Через год я пишу торжественное обещание пионера и перед строем дружины школы читаю клятву – быть верным делу Ленина-Сталина.

Отец, участник войны, начинает работать в транспортной сфере, и единственное напоминание о его военном прошлом – офицерский ремень с большой никелированной звездой. И фотографии. Уже в средних классах начинаю его расспрашивать: а что, а как? Отец в основном отмалчивается. Скупко рассказывает о финской войне – как на посту, в мороз, пытался спать стоя. Ухо, отмороженное наполовину,

– это память о том времени. Потом он, уже как командир бронемашин, – на фронте до 1942-го. Вскоре его вызывают в управление кадров ЗакВо и направляют в Иран – обеспечивать транспортную доставку военной техники, грузов, поставляемых по лендлизу из портов Ирана для 45-й армии, оборонявшей Кавказ.

После событий марта-июня 1953 года происходит массовое увольнение национальных офицерских кадров.

Идут послевоенные годы мирного восстановительного труда по всей стране.

От моего дяди Шота сведений нет. Последнее его письмо и фото – от 1949 года. Скупые строки о том, что он был в плену, а сейчас находится в фильтрационном лагере. Он вернулся домой только через 10 лет после окончания войны.

Мое желание узнать о войне все больше растет вместе с количеством прочитанных книг, просмотренных фильмов – «Два бойца», «Подвиг разведчика». Помню, в Доме офицеров на проспекте Руставели проходили совещания командного состава ЗакВо, и выходящие на перекур офицеры и генералы вызывали у

меня восхищение и стремление стать, как и они, военными.

Окончена школа, и я еду поступать в Северо-Кавказский военный институт во Владикавказе. Через пару дней, с заключением врачебной комиссии о слабом здоровье и необходимости операции, возвращаюсь домой. Дедушка, служивший в Первую мировую войну денщиком у генерала, успокаивает меня: «Можно и на гражданке хорошо работать». Он знает, что говорит – отработав почти 50 лет на перегонке нефти из Баку в Батуми, имеет десятки благодарственных писем от Верховного Главнокомандующего СССР во время Отечественной войны и в 1952 году в Москве заслуженно получил высшую награду страны – Орден Ленина.

А пока у меня впереди экзамены в вуз. Студенческая жизнь – всего один год. И – призыв в армию. Военная часть – одна из специфических: борьба с терроризмом и диверсиями, охрана общественного порядка и спецучреждений. Все командиры – участники установления государственного порядка в стране после войны, имеют большой опыт службы, госнаграды. Меня выбирают секретарем комсомольской организации части, я

Родители – счастливые минуты в годы войны

Дядя, Шота Ртвелишвили, в фильтрационном лагере

Дядя, Гурген Хачатрян, командир разведгруппы на Ленинградском фронте

веду общественную работу, поддерживаю связь с трудовыми и учебными организациями города. 37 месяцев воинской службы были наполнены напряженными днями физических упражнений, марш-бросками, тактическими учениями, стрельбой на полигонах, строевой и политической подготовкой, службой по охране спецобъектов, поддержкой общественного порядка во время массовых мероприятий в городе.

Большую помощь нам оказывали старшие командиры: полковник Н. Голенков, подполковники В. Реутский, Е. Чернорай, майор Н. Жуков, участники ВОВ.

И вот — 1967 год. 50-летие Советской власти. Я, единственный делегат от войсковых частей Грузии, командирован в город-герой Ленинград. Не описать тех чувств, полных гордости и сострадания, которые мне довелось испытать за две недели пребывания в этом городе. Встречи с участниками войны, героями СССР Мелитом Кантария и Михаилом Егоровым, водрузившими Красное Знамя Победы над Рейхстагом, фотографии и автографы которых я получаю на память, с другими известными военачальниками, посещение Пискаревского кладбища, где похоронены более 6000 тысяч человек — воинов и жителей блокадного города, а дневник девочки Тани Савичевой, с его такими простыми и трагическими словами, вызывает слезы и запоминается на всю жизнь.

На теплоходе плывем по Ладожскому озеру — Дороге жизни, и спускаем на воду венки в память воинов, погибших на войне. На параде, пользуясь моментом, фотографирую маршала СССР И. Конева и других выдающихся воинов. Осматриваем крейсер «Аврора». Вечером на тематических конференциях слушаю доклады и с удивлением узнаю, что в стране нет книг по истории войны с полным описанием боевых операций, нет воспоминаний

военачальников и героев боевых действий. На весь зал звучит фраза, что у США во время войны погибло 400 тысяч человек и написано 118 томов, а у нас погибло почти 27 миллионов и издано всего 6 томов. В последующие годы этот пробел восполнили и были изданы сотни книг, исследований на эту тему. Но и по сей день архивы Минобороны для многих исследователей остаются недоступными.

После возвращения делаю большой фотостенд, рассказываю о своих встречах и впечатлениях и в своей воинской части, и в подразделениях соседних республик.

В моей семье войну прошли отец, дядя, тесть. Мы гордимся своими родными. Их государственные награды, их ранения были свидетельством того, что они сполна исполнили свой долг по защите Родины.

Может быть, не все знают об этом, но после войны празднества, посвященные Дню Победы, не проводились почти 20 лет, и только в 1965 году, по инициативе Л.И. Брежнева, который сам прошел войну на партийной работе, они состоялись в Москве и столицах союзных республик. В этот год я, как все военнослужащие в стране, был награжден юбилейной медалью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

30-летие Великой Победы мы отпраздновали на работе и дома, а впереди у меня — поездка в ГДР во главе туристической груп-

У памятника Воину-освободителю в парке Тиргартен в Берлине

Посещение Бухенвальда

пы. В составе группы – сотрудники учреждений культуры, педагоги, рабочие. Прилетев в Берлин, едем в гостиницу и удивляемся множеству флагов СССР и ГДР. Гид-переводчица, милостивая женщина – русская, жена немца-военнослужащего, обещает нам интересную программу все две недели. Устроились в номерах, а потом все спускаемся в ресторан, и у каждого с собой – бутылка вина. Усаживаемся за стол, мужчины открывают вино, разливают, и все пьем за благополучный прилет. Следующий тост – за День Победы. Вдруг ко мне подходит администратор ресторана и возмущенно что-то говорит по-немецки.

Наша переводчица переводит: оказывается, по закону мы обязаны выплатить ресторану три четверти стоимости напитков, которые принесли с собой. Я в ответ объясняю, что мы всего полчаса находимся на территории дружественной страны, где отмечается праздник над фашизмом, и мы, советская делегация, пока не в курсе этого ресторанного закона и просим это учесть. Надо отдать администратору должное – он отнеся к ситуации с пониманием и, вежливо откланявшись, удалился, прося впредь это учесть.

Ну а следующие дни были правда незабываемы. Это и Трептов-парк, где стоит обелиск воина-победителя, и прекрасный

Дрезден с его легендарной картинной галереей и великолепным оперным театром, и музей Эрнста Тельмана в Гамбурге...

А еще – посещение концлагерей... Газовые печи. Абажуры и сумки из человеческой кожи. С ужасом узнаем, что превращенные в муку человеческие кости шли на удобрения для полей, волосы – на изготовление канатов для подводных лодок.

В городах Германии по сей день, в память о фашистском прошлом, стоят законсервированные, разрушенные здания церквей, а сами немцы не очень любят вспоминать эти годы истории своей страны.

Через 20 лет, в 1995 году, мне довелось несколько месяцев прожить в Берлине, в западном секторе, и я видел десятки моих сограждан из Белоруссии, России в поисках работы на немецких предприятиях, у частных лиц. Моя тамошняя знакомая, доктор психологии Маргот Кольтц, с сочувствием выслушала мой рассказ о состоянии жизни у меня в Тбилиси и сказала: «Вы сейчас в положении послевоенной Германии, вам будет еще труднее». Как она была права! Ведь я сам был свидетелем, сам видел, как в начале 90-х наши горе-руководители фирм, купив за копейки и приватизационные чеки целые заводы и фабрики, демонтируя дорогостоящие станки и оборудование, вывозили все это как

металлолом за рубеж. Торговый сухогруз «Соловьев-Седой» в Поти грузил тысячи тонн металла, годного для строительства; в Амстердам на переплавку шли сотни моторов, станков, в том числе и моей фирмы, где я работал менеджером по экспорту.

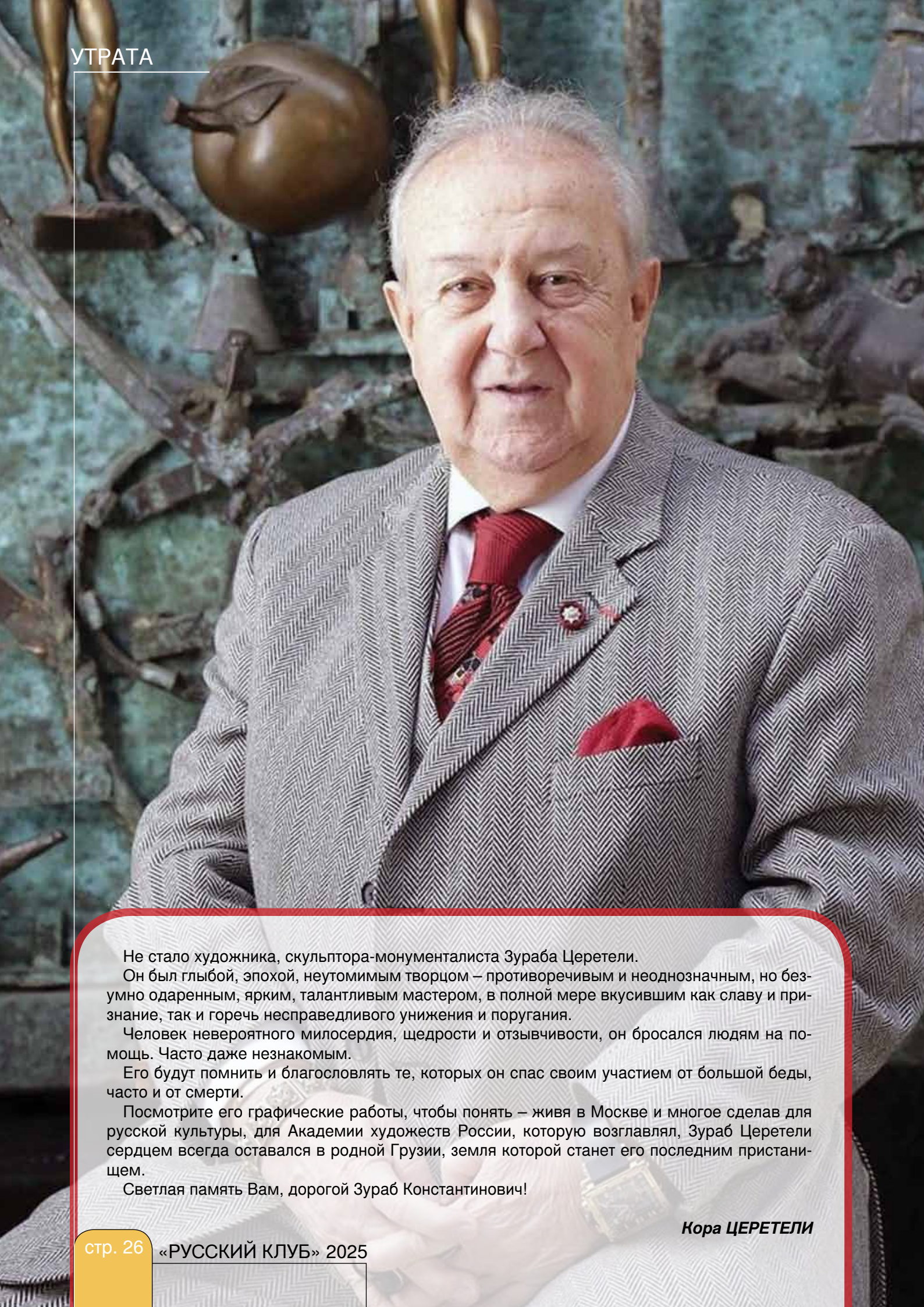
Прошли многие годы, произошла переоценка событий тех лет. Один грузин, победив фашизм, разделил Германию, другой грузин ее воссоединил, получив прозвище «немец №2» (прим. после Горбачева, который «№1»), и внес немалую долю в разрушение советского государства.

Великую цену заплатили наши отцы и деды за нашу жизнь, за наше нынешнее существование.

Вспоминается арабская пословица – армия овец, возглавляемая львом, победит армию львов, возглавляемую овцой. Есть ли сейчас среди нас лев?

Живя в советской системе государственности, мы все гордились своей страной, ее мощью и величием происходящих в ней преобразований и верили, что будем жить еще лучше. Однако, колесо советской истории в конце 90-х начало скрипеть и рухнуло.

Подсчитано, что за всю историю человечества произошло 14 тысяч войн, погибло более 4 миллиардов человек. Но человечество ничему не научилось. Происходящее сейчас в мире тому подтверждение. Грядет ли Третья мировая война?

Не стало художника, скульптора-монументалиста Зураба Церетели.

Он был глыбой, эпохой, неумолимым творцом – противоречивым и неоднозначным, но безумно одаренным, ярким, талантливым мастером, в полной мере вкусившим как славу и признание, так и горечь несправедливого унижения и поругания.

Человек невероятного милосердия, щедрости и отзывчивости, он бросался людям на помощь. Часто даже незнакомым.

Его будут помнить и благословлять те, которых он спас своим участием от большой беды, часто и от смерти.

Посмотрите его графические работы, чтобы понять – живя в Москве и многое сделав для русской культуры, для Академии художеств России, которую возглавлял, Зураб Церетели сердцем всегда оставался в родной Грузии, земля которой станет его последним пристанищем.

Светлая память Вам, дорогой Зураб Константинович!

Кора ЦЕРЕТЕЛИ

МОЯ ГРУЗИЯ: МАНИФЕСТ ЛЮБВИ

■ **Дмитрий ТРОФИМОВ**

Покидая Грузию, мне почему-то меньше всего хотелось писать о политике или о дипломатии. Ограничусь единственной репликой о собственной профессии. Истинная дипломатия, на мой взгляд, — это, прежде всего, умение слушать, понимать и сопереживать. Только поняв и почувствовав другого человека, ты можешь начинать с ним сущностный диалог, в котором политика неизменно должна прислушиваться к психологии и культуре. Все прочее — это неизменный поиск компромиссов и совместное «мостостроительство»... Особая удача и привилегия — это право и возможность, распахнув свое сердце, прислушаться к биению сердца напротив, сердца, которое тебе открывают как ответный жест доверия.

Грузия появилась в моей жизни намного раньше, чем я в Грузии...

*Немного лет тому назад
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь...*

Память о детстве начинается у меня именно с этих строк: «Мцыри» читала мне на ночь бабушка. Слова «Грузия» и «Тифлис» вошли в меня тогда какой-то мелодией, зовущей в дальние

странствия, — как позже тень Питера Пэна. Откуда-то из детства и странное словосочетание «Хванчкара-и-Киндзмараули»: кто-то произнес его за столом на дне рождения моего деда; вино мне тогда, разумеется, еще не давали, но, тем не менее, на языке на всю жизнь остался привкус этого длинношеего слова «хванчкараикиндзмараули»; я произносил его именно так, целиком, страшно гордясь, что в отличие от других мальчишек во дворе я знаю нечто таинственное, напоминавшее волшебное

заклинание...

А потом был непереносимый в каждой московской семье Н.А. Кун с его «Мифами Древней Греции» и, само собой, аргонавты, плывшие в Колхиду за золотым руном. Так Грузия стала обретать для меня черты прекрасной сказки, уже позже застыв жирафом Пиромани и «Витязем» Руставели. Последний для меня почему-то всегда носил «барсову», а не «тигровую» шкуру: то ли потому, что я всегда предпочитал перевод Бальмонта, то ли потому, что Юрий Долгорукий, призывая своего брата в только что основанный им Москов, обещал одарить его шкурой пардуса (барса, то есть) — я до сих пор думаю, что пардус тот должен был быть из Грузии.

Моя Грузия во многом осталась в 1970-х — начале 1980-х. Тогда в ней царил один бог — футбол, душой которого был Давид Кипиани, мозгом — Нодар Ахалкаци, а голосом, конечно же, — неподражаемый Котэ Махарадзе: человек с огромным, но очень ранимым сердцем и мой навсегда самый любимый комментатор. Я, коренной спартаковец, тайно изменял тогда красно-белым лишь с одной командой — Динамо (Тбилиси). Я понимал, что есть бразильцы, но тогда бразильцами для меня были динамовцы: истинные рыцари на поле, соединявшие страсть, непредсказуемость и изящество.

Моя Грузия — это всегда песни, многоголосные застольные (грузинское застолье — это отдельная планета, путешествовать по которой можно годами) или исполняемые соло «Сулико» или «Тбилисо». Когда-то, возжелав исполнить их в оригинале, я даже честно взял в руки самоучитель грузинского языка, чтобы также честно вскоре отложить его в сторону (леность явно роднит меня с Грузией).

Потом еще будут «оранжевые дети» и «оранжевый верблюд» от веселой компании Арканова, Горина, Певзнера и Ирмы Сохадзе. И сочиненный как бы им в ответ московский «Оранжевый кот» от Леонида Филатова. А еще «Певчий дрозд» Отара Иоселиани и бесконечная вселенная любимого Георгия Данелии, и «Ханума» в

БДТ, и незабываемые короткометражки Михаила Кобахидзе «Зонтик» и «Свадьба»... И отдельная планета Фазиля Искандера от «Созвездия Козлотура» и до блистательно предложенного им деления всей русской литературы на «литературу дома» (Пушкин-Толстой) и «литературу бури» (Лермонтов-Достоевский)... И, конечно же, столь дорогой моему сердцу Ираклий Луарсабович Андроников: потому что Лермонтов (начиная с «Загадки Н.Ф.И.») и потому что совершенно фантазмагорический «Первый раз на эстраде» с Соллертинским, Танеевым, Гауком и «тазиком новокаина».

Ровно в год моего рождения, люди, внимавшие Юрию Кукину, по-новому осознав цель и смысл своей жизни, дружно поехали за туманом. Спустя всего 13 лет Валико Мизандари передал загадочный привет из Грузии, и добровольцы косяками потянулись на Юг искать ту самую тетю Нину из Тбилиси.

Четыре с лишним года тому назад по их стопам прошел и я. И вот мое путешествие по стране картвелов подошло к концу. Оглядываясь назад, я пытаюсь

вспомнить главное.

Начну, пожалуй, с того, что Грузия – это не история с географией: квадратные километры, реки, горы, море, все так, но не это важно. Ибо Грузия – это история с астрономией: ведь эта, на первый взгляд, маленькая страна подарила миру такое количество звезд и планет. С некоторыми из них я успел познакомиться лично. И всех их Грузия знает и помнит по именам:

Резо. Однажды придумав «Не горюй!» и «Мимино», Резо Габриадзе и Георгий Данелия просто взяли и перезагрузили наши души, влив в них столь дефицитный по нынешним временам амальгамный сплав добра, юмора и любви. Любви, не знающей ни национальных, ни иных границ. А полный притчевой мудрости «Кин-дза-дза» стал пророческим напоминанием о том, с какой постыдной легкостью все мы подчас преобразуемся в чатлан и пацаков, не поделивших мир из-за цветовой дифференциации штанов. Резо Габриадзе – это подаренный нам Богом добрый сказочник и философ, который пришел в мир, чтобы дать нам возможность задуматься и измениться. Он оставил нам в наследство свои фильмы, свой театр и свою душу, часть которой по-прежнему звучит его неповторимым бархатным голосом, читающим «Синий цвет» Бараташвили в переводе Пастернака.

Верико. Несомненно, величайшая грузинская актриса XX века. Олицетворяя собой самое высокое, что хранила Грузия и ее культура, она всю жизнь столь же трепетно оберегала равно ей дорогое пространство русского языка (на котором неизменно говорила дома) и русской культуры... Именно Верико неизменно оставалась центром притяжения для своего большого звездно-семейного клана Чиаурели-Анджапаридзе-Данелия. Став легендой при жизни и по праву заслужив титул «матери Грузии», Верико Анджапаридзе ушла в вечность, оставив нам как завещание все созданные ею образы и пронзительное обращение ее героини из фильма «Покаяние»: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?»

Нани. Как только не называли

ее, пришедшую своей уникальной грузинской дорогой в мир русского романа: «княгиня», «королева», «царица»! Все это было справедливо и по праву рождения, и по мере заслуг и таланта. В конце концов, возвращение к жизни отринутого было в СССР жанра состоялось именно с грузинским акцентом. Точнее с ее акцентом, ставшим своего рода восьмой нотой ее неповторимо-обволакивающего и безвозвратно проникающего в душу меццо-сопрано... А этот уникальный бархатный тембр падающего вверх звука! А эта осанка, поворот головы... А знаменитая «звуковая живопись», год за годом создававшаяся в ее вокально-инструментальном дуэте с Медеей Гонглиашвили...

Буба. Каких-то два года назад он ушел вслед за Г. Данелией, Г. Канчели и Р. Габриадзе... Вслед за теми, кто некогда сотворил столько кинолегенд, навсегда объединивших несколько поколений в России, Грузии, да и на всем постсоветском пространстве... Он был неотъемлемой частью этих легенд – неслегка-емо-смешливым Бенжаменом Глonti и, разумеется, гордым «соколом» Мимино. Его любили... За особый, с хрипотцой, голос, неповторимую улыбку, умение держать спину прямо, дружить, петь «Чито-гврито» и чокаться через телефонную трубку...

Тамрико. Сила и красота в искусстве – не всегда совпадающие понятия. В творчестве Тамары Гвердцители – это ее двойной внутренний камертон. И всякий раз, когда вы оказываетесь под куполом рвущейся в небо мощи ее неповторимого контральто, будь то «Виват, король», «Только раз бывают в жизни встречи» или «Мравалжамьер», у вас замирает сердце и перехватывает дыхание. А еще был концерт в честь столетия Булата Окуджавы 9 мая 2024 года, когда завершающим аккордом на сцену Грибоедовского вышла Тамара Гвердцители: и знаменитая «Молитва» («Пока Земля еще вертится») обрела новое пронзительное звучание...

Маэстро. В театральном мире Роберт Стуруа уже давно и по праву занял место среди бессмертных и сам стал мери-

лом таланта и удачи. Ученик великого Михаила Туманишвили сегодня признан и востребован во всем мире – от Москвы, Лондона и Болоньи до Стамбула, Буэнос-Айреса и Иерусалима. Сам же он вот уже более 60 лет хранит верность родному Театру имени Ш. Руставели, где были поставлены и «Кавказский меловой круг» Брехта, и «Ричард III» Шекспира, и «Фауст» Гете, и все те спектакли, которые составили славу маэстро и его любимой Грузии.

Грузия и грузины: попытаюсь подобрать некоторые особо памятные мне черточки. Так, например, если сравнить грузин и русских, то первые скорее предстанут в образе «гордых сибаритов», а вторые – эдаких «креативных философов». Несколько разнятся и околоалкогольные акценты: если в России закусывают, чтобы выпить, то в Грузии пьют, чтобы поговорить. Да и знаменитая грузинская супра – это не столько про застолье; это, прежде всего, – многовековой механизм передачи традиций и знаний, самого культурного кода Сакартвело. И, в целом, отношение к лозе и вину здесь сакральное: отсюда и та памятная сцена с Серго Закариадзе в фильме «Отец солдата»; отсюда и особый, дошедший до нас из древности чин гвинисмодзхвари, или «духовник вина»; отсюда и непререкаемый авторитет тамады, ведущего стол.

Леность нас скорее объединяет: это в правильной Германии леность – порок, который без всяких экивоков называется ленью; в России же даже лень – матушка, а уж леность, что в Москве, что в Тбилиси, – просто способ радоваться жизни.

Если в той же Европе каждый сантиметр окружающего мира четко маркирован, то в Грузии (как, собственно, и в России) навязчиво-четкая определенность времени и пространства – просто досадное недоразумение.

Вот история с ответственностью у нас несколько разная. Если в России каждый, от кого что-то зависит, делает все, что от него зависит, чтобы доказать, что от него ничего не зависит, то

в Грузии, напротив, каждый, от кого ничего не зависит, делает все, что от него зависит, чтобы доказать, что от него зависит все.

Что еще? Я бы назвал это «веселой самовнушаемостью». На ум приходит известная притча о Ходже Насреддине. Тому мешали спать играющие под окнами дети. Ходжа вышел на крыльцо и, обратившись к мальчишкам, сказал: «Ну, что вы здесь делаете? Скорее бегите на противоположный конец деревни: там бесплатно раздают спелые сладкие груши». Ребята снялись стайкой и убежали. А Ходжа постоял-постоял на крыльце, почесал в затылке, молвил «А, может, и правда раздают» и побежал вслед за ними... Насреддин у нас родом не из Грузии, но как похоже...

У грузин особый дар дружить: красиво, с эдаким шиком (вспомните тот самый плот по Куре из стены собственного дома), шумно и, разумеется, круглосуточно.

Грузия – это цивилизация слова, со своим уникальным кодом поведения, строем мысли и речи. Хотите понять и открыть для себя Сакартвело, слушайте ее душу, примите ее боль и радость, поймите ее разочарование и ее гордость, найдите обращенные только к ней особые слова – для любви и для молитвы...

Все, наверно, слышали легенду о том, как грузины опоздали к Господу, раздававшему народам земли: оправдываясь за опоздание, картвелы сослались на то, что сидели за пиршествен-

ным столом и пили за Его здоровье. Надо ли удивляться, что им в результате достался заветный кусочек Земли, который Бог приберег для себя. За скобками при этом остается один-единственный вопрос: нет, не «как?», а «зачем?» – «зачем была создана Грузия?» Ответ, думается мне, очевиден – для радости. Грузины действительно, как никто, умеют радоваться сами и радовать других. И могут этому научить. Но и это еще не все: столетиями Сакартвело переживала опустошительные набеги и войны, приносившие смерть и разрушения. Но всякий раз грузины находили в себе силы, чтобы вновь собраться за столом, помянуть усопших, помолиться и, несмотря ни на что, порадоваться жизни. Причем, и это главное, – выпрямившись, с чувством собственного достоинства. Вот – уникальное свойство и умение грузин, которому, конечно же, стоит поучиться, – умение радоваться с прямой спиной!

А.С. Пушкин некогда дал нам всем жизнеутверждающий совет: «Как мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро». Позволю себе дать свой: «Грузия! Принимать в больших и даже в малых дозах: действует безотказно».

Дмитрий Трофимов – Глава Секции интересов Российской Федерации при Посольстве Швейцарии в Грузии (январь 2021 г. – апрель 2025 г.)

Анна и Александр Мессерер на балконе галереи «IArt»

ВЕСЕННЯЯ ПАЛИТРА СУПРУГОВ МЕССЕРЕР

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Итальянский двор в Старом Тбилиси, деревянные лестницы и узорчатые балконы, в воздухе витает хвойный запах вечнозеленого кипариса, на лестничной площадке стоят два человека, их взоры направлены во двор. Вдали видны окна «современных», покрашенных в белый цвет, корпусов. Эту картину под названием «Вид из окна в Тбилиси» я видела в галерее «IArt» на улице Узнадзе, где состоялась выставка московских художников Анны и Александра Мессерер под названием «Devotion to Blue» («Верность синему»).

«За два года мы в четвертый раз гостим в Тбилиси и совершенно очарованы, рисуем здесь свои картины, в прошлом году сделали маленькую выставку в клубе «Аудитория». Это была графика и иллюстрации к притчам Мананы Менабде. Мы были заочно влюблены в этот город, у нас обоих с детства в душе возникали теплые чувства при мыслях о Грузии, всегда хотелось приехать сюда, но никак не удавалось. Потом один за другим родились дети, мы были прикованы к семейным обязанностям. А сейчас удалось

поднять глазки и приехать», — отметила Анна Мессерер, которая любезно согласилась дать интервью нашему журналу.

— Мы пришли в галерею «IArt» на одну из выставок, нам очень понравилось пространство, свет, цвет. Этот живописный вид на Куру нас заворожил, и мы хотели именно здесь устроить нашу выставку. Полгода работали над проектом, часть представленных ныне работ нарисована в Тбилиси, много полотен с изображением тбилисских улиц, сцен застолий. Вот портрет Мананы

Менабде. Она наша дорогая подруга, всем известная певица, с которой мы познакомились в начале 2000-х в музее Окуджавы. После вернисажа она к нам зашла, и мы всю ночь пели, я сказала ей: «Возьми любую картину, что тебе нравится». Она выбрала мой небольшой интерьер, и никогда с ним не расставалась. Он был с ней в Германии, а сейчас висит у нее дома в Тбилиси. У нас очень теплые отношения, Манана всегда нас творчески поддерживала.

«Верность синему» — сборная экспозиция, мы не стали концентрироваться только на грузинских мотивах, решили более полно показать наше творчество, представив пейзажи российской глубинки. Нас почему-то всегда тянуло на север, вологодские пейзажи являются основной темой картин. Наш старинный дом, которому сто шестьдесят лет, находится в деревне Рыбаковых нам удалось купить в 2006 году, и он стал излюбленным местом отдыха для всей семьи. Белое озеро, которое можно увидеть на нескольких картинах, находится в Вологодской области, в 60 км от Ферапонтово. Это очаровательное место, немного напоминающее Прибалтику. Я очень люблю

там рисовать, вообще люблю водную гладь, необъятные просторы: в вологодских местах какой-то особенный северный свет, белые ночи, каждый день полон положительных эмоций.

На выставке также можно увидеть Сашины этюды на Самаринском пруду, он запечатлел, как я с ученицей работаю над картиной. Вот усадьба Самариных в Переделкино, осенью-весной мы частенько там бываем и пишем. Переделкинские пейзажи и интерьеры нашего дома составляют большую часть полотен экспозиции.

— *Расскажите про галерею «Сад», которая находится в вашем доме в Переделкино.*

— В ноябре текущего года будет восемь лет, как она существует. Так получилось, что мы очень долго, лет двадцать, снимали дачу. Саша в молодости жил на

лой жизнью мы заслужили то, что позднее смогли купить этот дом с садом. Когда увидели, что стали обладателями такого просторного строения, тут же решили устраивать там мероприятия. Денис Трусевич, наш приятель, предложил провести первую выставку, она называлась «Милльон вагон» — каждый художник представил блок маленьких работ. Так как рисунки были небольшого размера и доступны по цене, многие гости накупили их в подарок к Новому году. Потом мы почувствовали, что когда нет выставки, нам чего-то не хватает, нет какого-то драйва, и решили устроить выставку наших соседей. Поняли, что можем что-то дать людям, кого-то осчастливить. Почему бы этим не заниматься? Такие домашние выставки неотъемлемая часть нашей сегодняшней деятельности. Они нас внутрен-

На сегодняшний день Переделкино очень популярное место для любителей литературы. Приезжает много молодежи. В дома-музеи Пастернака, Чуковского, Евтушенко, Окуджавы устраиваются экскурсии, есть даже туры с посещением галереи «Сад». Через друзей-художников о нас уже узнали в Москве, у нас есть Telegram-канал, где я размещаю сообщения о намеченных мероприятиях, примерно раз в месяц мы делаем смену экспозиции. Большой труд нужен чтобы все это организовывать. К этому добавляется и наше собственное творчество, и заботы о семье...

— *Саша вырос в творческой се-*

На выставке

даче Беллы Ахмадулиной (жены Бориса Мессерера, отца Саши) в Переделкино. После того, как мы создали семью, тоже долго снимали дачу, ходили за водой к колодцу, сейчас это сложно даже представить. Детей несколько раз в неделю возили купать на Тверскую, к Сашиной маме... Довольно суровый быт был у нас. Наверное, такой тяже-

не наполняют и дают стимул для дальнейшего развития. Мы продавали большой объем работ, организовали как персональные, так и коллективные выставки. Составили график, сейчас у нас на два-три года вперед заполнены места, появилась куратор Наташа Сидорова, которая оказывает помощь в организации экспозиций.

Анна Мессерер. Портрет Мананы Менабде

мье, поэтому неудивительно, что он стал художником.

— Да, его бабушка, Анель Судакевич, была актрисой немого кино и художником по костюмам, в течение длительного времени работала в Московском цирке на Цветном бульваре (примечательно, что ей принадлежит авторство знаменитых костюмов Олега Попова и Карандаша). Отец, Борис

Мессерер, также театральный художник, до сих пор активно работает, служит в Большом театре, МХТ имени А.П. Чехова, театре Сатиры. Дедушка, Асаф Мессерер, был артистом и балетмейстером Большого театра. Мама, Нина Чистова – балерина, солистка Большого театра. После окончания школы Саша поступил в школу-студию МХАТ на художественный факультет, но не закончил его и продолжил образование в Московском поли-

студию при МГУ, там был очень хороший педагог, который внушил любовь к живописи. Помню, он нас учил рисовать акварелью и все время настаивал, чтобы это была непременно акварель «Ленинград» – звонкие цвета. Если сейчас пишу акварелью, то у меня движения, заученные с детства – как надо кисточку вытирать, как ее осушать. У меня в пять лет была персональная выставка в ДК МГУ, эти работы сохранились. Потом, к годам

ем. После нее вырастить пятерых детей уже было не так сложно. Защитила диплом и больше к архитектуре не возвращалась. Только наш дом в Ферапонтово я построила по своему проекту, а также разработала дизайн по оформлению большого дома в Переделкино.

– *Как вы совмещали воспитание пятерых детей и творчество?*

– Сложно сказать. Рисование «не отпускало» нас. Мы старались использовать каждую минуту.

Александр Мессерер. Ферапонтов монастырь

графическом институте в мастерской Митурича. Большое влияние на него оказало творчество известного графика Дмитрия Лилона, у которого он брал уроки. Сейчас Саша занимается живописью и графикой.

– *А ваши родители – инженеры, откуда появилось увлечение живописью?*

– Мой папа, Валерий Степанович Козлов, хоть и работал в Министерстве электротехнической промышленности, но в душе был романтиком, в молодости писал стихи. Видимо, он передал мне этот романтический настрой. Мне дали дворянское воспитание, в возрасте четырех лет отдали в

шести, уже решила, что буду художником. Правда, я колебалась: то хотелось стать театральным художником, то керамикой заниматься, что-то более декоративное привлекало. Какой-то период училась делать гобелены у художника Любоши Шафранской. Делала большие станковые гобелены. Потом ходила во Дворец пионеров на Воробьевых горах. Я окончила Московский архитектурный институт по специальности «Градостроительство». Первые два года нас вел педагог Вадим Макаревич, отец Андрея Макаревича. Диплом защищала по Сергиево-Троицкой лавре, очень тяжело мне далась эта работа, стала настоящим испытани-

Анна Мессерер. Во дворе в Тбилиси

Наши друзья потом вспоминали: «Ты одной рукой наливала кофе, другой держала Соню (младшую дочь), а потом с кисточкой возилась над картиной». Мы на отдыхе обучали детей рисованию: ездили на этюды в Ферапонтово, давали им по картонке, чтобы они не сидели без дела. Дети пошли по нашим стопам, на экспозиции выставлена работа Нины, старшей дочери, она уже два раза побывала в Тбилиси, рисовала здесь картины. У нее свой стиль, не похожий на наш, она больше испытывает влияние дедушки, Бориса Мессерера. Надеемся в будущем сделать ее персональную выставку в Тбилиси.

Кадр из фильма «Кристинэ»

«КРИСТИНЭ» – КАК ЭТО БЫЛО

15 мая – день рождения грузинского кино

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

История кинематографа Грузии началась в 1908 году. Первыми грузинскими фильмами считаются снятые с 1908 по 1912 год документальные картины Василия Амашукели и Александра Дигмелова. До нас частично дошел единственный полнометражный документальный киноочерк Амашукели 1912 года «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми». Но сегодня мы хотим рассказать о первой художественной грузинской киноленте «Кристинэ». Именно этой картине суждено было стать первым грузинским игровым фильмом, полным драм по сценарию и не только.

Идея снять фильм пришла в голову Герману Иосифовичу Гогитидзе, который буквально стоял у истоков грузинского кинематографа. Говоря современным языком, это был кинопродюсер, а еще режиссер и театральный деятель. Уроженец Кутаисской губернии, он получил высшее юридическое образование в Париже, а потом вернулся и поселился с семьей в родном Озургети.

Этот человек, серьезно влюбленный в кино и сцену, в 1914 году на собственные средства открыл в Озургети театр с за-

лом на 250 мест и передвижной сценой (он даже построил для него микроэлектростанцию, преимуществами которой пользовались и жители Озургети). В театре у Гогитидзе было «все схвачено»: он работал и режиссером, и актером, и реквизитором, и даже продавцом билетов.

Вскоре он переоборудовал театр в кинотеатр и назвал его «Иллюзион». Именно в этом кинотеатре, посмотрев итальянский фильм, у Германа Гогитидзе однажды появилась мысль создать свой собственный кино-

фильм, «...где была бы показана красота нашей страны, которая по своей красоте ничуть не уступает Италии».

Для экранизации Герман Иосифович выбрал повесть «Кристинэ» беллетриста Эгнате Ниношвили. В центре сюжета – дочь бедного крестьянина Датиа Хелмоклидзе из гурийского села Нигвзиани. Кристинэ влюбляет в себя и соблазняет дворянин Ясон Укмадзе. Обманутая и униженная им, она бросает своего новорожденного ребенка и убегает в Тбилиси, но и там ее ждет обман, непри-

Герман Гогитидзе с супругой

ятности и моральное падение. В финале больная и измученная женщина топит свои беды в пьянстве, попрошайничает и умирает в больнице, одинокая и несчастная.

Так впечатляющая история была выбрана. И в результате больших усилий Герману Гогитидзе удалось собрать необходимые на киносъемки средства. Надо понимать, что кино в то время было всем в новинку, многие даже не считали его видом искусства. И тогдашние предприниматели просто не верили, что это дело может принести им хоть какую-то прибыль.

«К счастью, вскоре нашлись люди, которые предугадали выгоду начатого мною дела, такие как владелец типографии Батломе Киладзе и хозяин гостиницы «Ветцель» Ноэ Сихарулидзе, которые помогли мне открыть кредит в банке», — вспоминал Гогитидзе.

Теперь продюсеру нужно было достать кинокамеру. В то время в Грузии было всего три камеры. Одна из них — у исторического отдела штаба Кавказского военного округа, руководителем которого был Симон Эсадзе. Этой камерой во время Первой мировой войны снимали военные эпизоды, происходящие у границ Грузии. Именно к Эсадзе Герман и пришел с просьбой одолжить ему камеру. И тот согласился, по-

тому что ко всему прочему был патриотом своей страны и горячо приветствовал зарождение национального кинематографа. Однако для того, чтобы предназначенная для военных дел аппаратура перешла в гражданский сектор, нужно было разрешение высочайшего руководства. К нему Герман Гогитидзе и обратился с официальным письмом, и предложил перечислить в военный лазарет сумму в 500 рублей. Его просьбу удовлетворили. И приставили к нему военного оператора Александра Шугермана.

В качестве режиссера Гогитидзе нанял своего друга, основоположника грузинской оперной режиссуры Александра Ццунава (он же стал автором сценария фильма), вероятно, рассчитывая на то, что тот знаком с материалом: в 1909 году драматург Полио Ирети (он же Полиевктос Каландадзе) написал пьесу по произведению Эгнате Ниношвили, которую Ццунава с успехом поставил в Тбилиси, Чиатура и Баку.

В качестве художника в фильм «Кристина» был приглашен Дмитрий Шеварднадзе — выпускник Мюнхенской академии художеств. Его художественное видение и мастерство, стремление к глубокому психологическому раскрытию лиц и характеров персонажей сыграли важную роль в создании пластического облика фильмов того времени.

Итак, работа над фильмом началась. Эпизоды картины снимались в Гурии и в Тбилиси. В кадрах можно увидеть героиню, бродящую по набережной Куры, по Ортачальским садам и у моста Метехи, снимали даже на чердаке нынешнего Театра Марджанишвили. В Гурии для реквизита Герман Гогитидзе купил большой дом у крестьянина из Лихаури: соломенную крышу сняли, а одну стену удалили, чтобы солнечный свет хорошо падал на съемочную площадку (осветительных приборов же не было!).

Но не все шло так гладко. Вскоре у Ццунава и Гогитидзе возникли разногласия по поводу кастинга на роль Кристины. Кандидатурой Гогитидзе была сестра художника Шалвы Ки-

кодзе, Анетта Кикодзе — «непревзойденная исполнительница роли Кристины на грузинской сцене», а Ццунава выбрал почти 40-летнюю Антонину Абелишвили, тогда как Кристина по сюжету должно было быть 18 лет. В итоге на роль утвердили протеже Ццунава. «Я не смог преодолеть его упрямство», — сказал после съемок Герман Гогитидзе.

И ведь действительно, Кристина в произведении Эгнате Ниношвили, была «девушкой чуть выше среднего роста, со стройной фигурой, прямым, слегка удлинённым, красивым, белокурым лицом, большими, голубыми глазами, над которыми, на белом лбу, красиво изогнуты каштановые брови, как стрелы. Густые волосы спадали до талии». Но утвержденная актриса не совпадала со своим прототипом по всем параметрам.

По одной версии, Ццунава не захотел брать Анетту Кикодзе, поскольку та уже много лет играла эту роль на театральной сцене, и режиссер опасался, что актриса привнесет в фильм нежелательные театральные

Александр Ццунава

Дмитрий Шеварднадзе

штампы. Но была и другая версия. Говорили, что у Цуцунава был роман с Абелишвили, и он попросту не смог отказать своей возлюбленной.

В фильме также снимались Григол Фрониспирели, Васо Арабидзе, Софио Кипшидзе, Бабо Ростомашвили, Маргарита Гоголашвили и сестра режиссера Цецилия Цуцунава. В массовых сценах «Кристинэ» участвовали многие известные актеры театра: Васо Абашидзе, Нико Гвадзадзе, Сосо Живидзе, Тандила Гачечиладзе, Сосо Таралашвили, Павел Прангишвили, Виктор Матарадзе, Илья Зурабшвили и Георгий Иорданишвили.

Любопытно, что во время съемок вокруг съемочной группы собиралась куча народу, ведь для них в диковинку было все: и причудливая кинокамера, и само действо, и актеры, глаза которых были густо подведены черной тушью (этого потребовал оператор).

Чего только ни случилось во время съемок: сначала в Гурии почти неделю шли сильные дожди, и это при отсутствии павильонов, а платить актерам Герману Гогитидзе все равно надо было. Потом начался конфликт режиссера с оператором.

«Мой оператор был совершенно невежественен и игнорировал мои просьбы снимать некоторые вещи крупным кадром,

лгал мне, что не получается, — вспоминал Цуцунава. — Иногда, наверное, и аппаратом щелкал вхолостую, чтобы сэкономить пленку».

Однажды дошло даже до того, что во время съемок в селе Ачи, Цуцунава, потеряв терпение, уличил Шугермана в очередной лжи и спустил его с горы вместе с камерой. Шугерман не нравился и Гогитидзе, но у него не было ни времени, ни денег его менять, поэтому продюсер режиссера и оператора помирил. К слову, после той драки Шугерман снял одни из самых красивых кадров в фильме — изысканные и профессиональные для того периода панорамы.

В 1916 году Александр Цуцунава снял три части фильма. В это же время он параллельно ставил спектакли в Бакинском драматическом театре, что тормозило и без того непростой съемочный процесс. В следующем году Цуцунава вообще прекратил работу над лентой и уехал в Ростов, где заключил контракт с Театром драмы.

То есть версия Цуцунава завершилась приездом Кристинэ в Тбилиси, тогда как Гогитидзе не хотел так заканчивать фильм, а собирался продлить и добавить в него еще больше драмы. Вот почему он взял на себя роль режиссера и был намерен его доснять.

Но Александр Шугерман уже был отозван, и Гогитидзе понадобился новый оператор. В то время всю сферу аренды киноаппаратуры монополизировал бельгийский предприниматель Карл Перрон, который сотрудничал с французской киностудией Pathe. По заказу этой студии Перрон отправлял в Париж снятую в Грузии кинохронику. На него работал известный грузинский оператор Александр Дигмелов (Дигмелашвили), который получал за эту работу неплохие деньги. Но у Германа Гогитидзе был удивительный дар уговаривать кого угодно. И вскоре Дигмелов встал за камеру фильма «Кристинэ».

Съемки фильма завершились в октябре 1917 года. Гогитидзе проявил пленки, а позитивы спрятал у себя в доме в Озургети. Монтаж и показ фильма планировал в ближайшем будущем. Но весной 1918 года в Грузии началась турецкая интервенция. За короткое время турки полностью заняли Аджарию и Гурию, дойдя до Кутаиси. Они сжигали дома, убивали население. Сгорел тогда и кинотеатр Гогитидзе. В пожаре были уничтожены и пленки «Кристинэ».

Через некоторое время Гогитидзе приехал в Тбилиси и продолжил кинокарьеру. Начал снимать документальные

Александр Цуцунава, Кетеван Магалашвили, Дмитрий Шеварднадзе. 1930

картины. Благодаря ему были сняты кинокадры, отражающие деятельность правительства Демократической Республики Грузия. Именно тогда он вдруг случайно обнаружил в столице негативы «Кристинэ». Это была малая часть отснятого материала. Но Гогитидзе все равно все восстановил и смонтировал.

Премьера «Кристинэ» и документальных фильмов («День народной гвардии в грузинской столице 12 декабря 1918 года», «Праздник в день открытия Учредительного собрания») состоялась в мае 1919 года, в годовщину провозглашения независимости Грузии, в кинотеатре «Аполлон». Пресса писала, что фильм «был тепло принят зрителями, и, хотя он был создан ценой неисчислимых страданий, он все равно принес создателям фильма огромное моральное удовлетворение». В то время в грузинском обществе существовало огромное желание увидеть на экране жизнь своей страны, и «Кристинэ» каким-то образом это желание удалось удовлетворить.

Как отмечали тогда критики, Александр Ццунава был первым, кто попытался раскрыть национальный характер и донести до зрителя жизнь народа. Фильм смог прекрасно передать колорит грузинских сел и городов, жизнь простых людей, обычаи и традиции, реальные, не приукрашенные образы крестьянской жизни.

Герман Гогитидзе объехал с этим фильмом всю Грузию. Тем не менее картина оказалась финансово убыточной. Но создатели «Кристинэ» все равно были первыми: они проложили путь будущему грузинскому кино. Фильм занял видное место в культурной жизни Грузии того времени и создал благоприятную почву для дальнейшего развития грузинского игрового кино.

После установления в Грузии советской власти кинопроизводство перешло государству. Это дело поручили вновь Герману Гогитидзе. В 1928 году его сняли с этой должности. А в 1945 году в связи с «сомнительной связью с иностранцами» задержали и переселили. После возвращения из ссылки Гогитидзе

Кадры из фильма «Кристинэ»

жил в Тбилиси. Он скончался от болезни в 1960 году.

Режиссер фильма Александр Ццунава заинтересовался кинорежиссурой и подарил грузинскому кинематографу такие фильмы как «Кто виноват?», «Ханума», «Два охотника» и

«Мятеж в Гурии». Он ушел из жизни в 1955 году. В его родном Озургети Ццунава поставили памятник, а его именем назвали Озургетский драматический театр.

СУДЬБА ОДНОГО ПРИЗА

Из записной книжки редактора

■ **Вадим АНАСТАСИАДИ**

Лежавшая у изголовья на кровати раскрытая книга неожиданно соскользнула с подушки и упала на пол. Я нагнулся за книгой. Между стеной и кроватью лежал завернутый в полиэтиленовый пакет какой-то сверток. Что это? Жена, проводя уборку дома, периодически напоминала о нем, просила разобраться... А мне все было недосуг. Я придвинул сверток поближе. Неужели? Так ведь это же ПРИЗ – «Приз зрительских симпатий» Всесоюзного футбольного чемпионата, некогда учрежденный редакцией газеты «Вечерний Тбилиси». Последний официальный приз этого турнира. Как я мог о нем забыть?!

Увы, в отличие от некоторых других призов чемпионата СССР по футболу, приз нашей газеты прожил недолго: всего три года.

Но сколько переживаний, впечатлений, воспоминаний с ним было связано!

Дважды его обладателем становилась команда киевского «Динамо», и я летал в столицу Украины его вручать. Председатель Спорткомитета Грузии сообщил о моем приезде своему коллеге в Киеве, и в аэропорту Борисполь наш приз встречал почетный кортеж. На другой день

в матче открытия сезона хозяева поля на Республиканском стадионе в Киеве принимали одесский «Черноморец». Погода была скверная, и я переживал: почему-то хотелось, чтобы при первом вручении приза светило солнце. Увы, солнышко, к сожалению, подвело, но и дождя не было. Стадион аплодировал. В перерыве между двумя таймами я в течение 15 минут, стоя на

беговой дорожке киевского стадиона, рассказывал местному тележурналисту историю приза. Телерепортаж шел на всю Украину, о чем мне позднее рассказала одна моя коллега, увидевшая мое изображение на экране телевизора в Днепропетровске...

Любители футбола старшего поколения, разумеется, имеют представление о том высоком уровне мастерства, который демонстрировала в чемпионатах СССР и за рубежом элита советского футбола, в которую, вне всякого сомнения, входили и динамовцы Тбилиси. Не будучи спортивным репортером, но оставаясь журналистом и к тому же заядлым динамовским болельщиком, пристально следившим за статистикой участия тбилисцев в различных футбольных турнирах, я все чаще и чаще, в особенности став редактором газеты «Молодежь Грузии», а затем и «Вечернего Тбилиси», задавался вопросом: а почему в Грузии – стране с такими славными футбольными традициями, ни одна местная газета не стала учредителем какого-нибудь солидного приза Всесоюзного чемпионата. Ну и если продолжить тему без ложной скромности, то почему бы учредителем такого приза не стать газете, в которой я работаю или, прямо скажем, руковожу?

Правда, один такой приз вроде бы имелся. После победы тбилисского «Динамо» в Ереване

Приз газеты «Вечерний Тбилиси» — тбилисской команде «Иберия»

Вручение почетного трофея в Киеве

над «Араратом» со счетом 5:0, в котором все пять мячей в ворота хозяев поля заколотил Илья Датунашвили, одна из тбилисских газет учредила приз для футболиста, который забьет в одном матче... пять и более мячей. Но можно ли было воспринимать его всерьез?!

Как вы понимаете, это был приз под одного конкретного игрока, под один конкретный случай, под героя одного конкретного матча, под Датунашвили, ибо со времени ереванского поединка ни один футболист пять мячей в одном матче всесоюзного чемпионата сопернику ни разу не забивал.

Так что тема нового футбольного приза с моей повестки дня не снималась. Но каким он будет?

Увы, к этому моменту призов в футбольном чемпионате СССР было учреждено великое множество, наверное, штук двадцать. Названия у них были самые разнообразные: лучшему вратарю, лучшему бомбардиру, лучшему голеадору всех времен, имелись десятки командных призов: призы справедливой игры, агрессивного гостя, за лучшую разность забитых и пропущенных мячей и пр. Компания учредителей тоже собралась впечатляющая: газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Советский спорт», украинская республиканская газета, журнал «Огонек»,

еженедельник «Футбол-Хоккей» и др. Выходило, что вся футбольная тематика была к тому времени разобрана на призы.

Словом, я с сожалением обнаружил: ничего дельного, а главное – интересного, придумать в ближайшее время не удастся.

И вот, по-моему, в 1986 или 1987 году, я уже работал в это время в «Вечернем Тбилиси», газета «Советский спорт» стала публиковать в своих отчетах о футбольных матчах чемпионата СССР, наряду с информацией о городе, где проходила игра, погоде в день матча, названиями стадионов, фамилиями арбитров и другой статистикой, еще и сообщением о количестве зрителей, посетивших эти поединки. И старая навязчивая мысль о футбольном призе, носящем имя нашей газеты, вновь промелькнула в голове: «Вот оно!» Уточняю: эти сообщения давали ответ на весьма важный вопрос: на игры какой команды зрители в разных городах тогдашнего СССР ходят с наибольшим интересом. Вот посмотрите: предположим, какая-то московская или, скажем, ташкентская команда принимают поочередно на своем поле три динамовских клуба – Киева, Минска и Тбилиси. Совершенно очевидно, что в каждом из этих городов на матчи с участием каждого из названных клубов придет разное количество болельщиков. Разумеется, больше зрителей на

стадионы привлекает та команда, которая лучше и красивее играет. Вот так, в общих чертах, и складывались идея и смысл нового приза.

Сейчас, когда пишу эти строки, подумалось, что призу, наверное, можно было придумать и другое, более оригинальное название, но, как говорится, что сделано – то сделано: приз, который родился в стенах «Вечернего Тбилиси», был назван «Призом зрительских симпатий».

Но название – полдела. Теперь надо было изготовить сам приз. Естественно, ни у кого сомнений не вызывало: ударить лицом в грязь нельзя, приз всесоюзного чемпионата должен быть достаточно высокого качества.

Газета «Вечерний Тбилиси» тогда выходила весьма внушительным тиражом, пользовалась в городе известным авторитетом и, следовательно, располагала определенными возможностями и связями. Сотрудники редакции, конечно, должным образом проинструктированные, были срочным образом откомандированы на различные предприятия и в организации города, в том числе в творческие союзы, на промышленные производства. Не были оставлены без внимания художественные салоны, керамические цеха, мастерские чеканщиков-умельцев.

И вот книжные полки редакторского кабинета заскрипели под тяжестью образцов будущего футбольного приза. Редактор, т.е. автор этих строк, за которым, в силу его служебного положения, было закреплено при выборе приза право решающего голоса, оказался человеком в меру придиричивым: что-то в образцах призов ему нравилось, что-то нет, что-то отбраковывалось, изменялось, дополнялось.

Душой этой работы стала корреспондент отдела городского хозяйства Мила Розенберг, которую по сей день вспоминаю с чувством большой благодарности...

Забегая вперед скажу, что когда после развала СССР в Грузии завершился первый Национальный чемпионат по футболу, один из изготовленных в описываемое время призов был вручен первому в истории независимой Грузии футбольному чемпиону – тбилис-

ской команде «Иверия».

Дело было так: из федерации футбола Грузии позвонили в редакцию и спросили: нет ли у нас желания вручить какой-нибудь приз участникам первого грузинского футбольного чемпионата, чествование которых проводилось этим вечером, по-моему, в оперном театре. У нас, естественно, такое желание имелось, а призами, как я уже сказал, мы располагали.

Когда я явился на церемонию награждения победителей чемпионата и организаторы церемонии сравнили наш приз с призами, учрежденными для лучших команд турнира другими редакциями, то решение было единодушным: именно приз «Вечернего Тбилиси» — «чемпионский», и именно его должен получить победитель первого Национального чемпионата Грузии.

Здесь же, наверное, упомяну еще об одной акции «Вечернего Тбилиси», приблизившей, как мне представляется, долгожданную мечту местных болельщиков: прием Грузии в Международную федерацию футбола (ФИФА). Шел 1991 год. На страницах «Вечернего Тбилиси», выходявшего в то время тиражом под 80 тысяч экземпляров, был опубликован текст читательского письма на имя руководства ФИФА, в котором высказывалась просьба о безотлагательном приеме Федерации футбола Грузии в ФИФА и включении грузинских футбольных клубов в европейские турниры. Технология была такая: читателю надлежало вырезать текст письма из газеты, вложить в конверт, наклеить почтовую марку и отправить его по месту нахождения ФИФА в швейцарский город Цюрих.

В то время Грузия вроде бы уже вышла из состава СССР, но советским почтовым сообщением и возможностями дешевой советской почтовой марки еще пользовалась. Так что в Швейцарию из тогдашней то ли все еще советской, то ли уже не советской республики рекой потекли письма с текстом на английском языке: «Просим принять Грузию в члены ФИФА». Количество писем было столь велико, что вскоре на имя редакции пришел ответ от тогдашнего генерального секретаря ФИФА господина Йо-

зефа Блаттера, позднее ставшего президентом этой уважаемой международной футбольной организации.

Но вернусь к теме своей заметки. Перед тем как сесть за нее, я загуглил в интернете соответствующий поиск и получил в ответ такие слова: «Приз зрительских симпатий» учрежден газетой «Вечерний Тбилиси» в 1989 году. Сезон 1989. Победитель — «Спартак» (Москва).

Да, все было именно так, но не совсем.

Дело в том, что придумать приз, изготовить и объявить о его существовании и даже вручить победителю еще ничего не значило. Чтобы приз был официально признан и зарегистрирован в качестве трофея всесоюзного чемпионата, его должна была утвердить в таком качестве Федерация футбола СССР. Поэтому в первые два года мы присуждали и вручали свой приз как бы неофициально или не совсем официально, и оба раза его обладателем становилась прекрасная команда киевского «Динамо». В первый раз это произошло в 1987 году, как я уже сказал, на матче открытия сезона в столице Украины, во второй раз — уже в Тбилиси, на местном динамовском стадионе. Оба раза переходящий приз я собственноручно передавал капитану киевского «Динамо» Анатолию Демьяненко.

Вручение приза имело хорошую прессу, и в начале футбольного сезона 1989 года Федерация футбола СССР его официально признала. Но вмешались разные политические события, и передать приз новому его обладателю — московской команде «Спартак» — в том году так и не удалось, хотя переходящий приз, был, как водится, доставлен из Киева в Тбилиси и дожидался своего очередного владельца. Но так и не дождался...

Любители спорта наверняка знакомы с историй тех злоключений, которые выпали на долю «Золотой богини» — Кубка Жюля Риме, главного трофея чемпионатов мира по футболу, переходящего трофея — вплоть до 1970 года, когда сборная Бразилии, трижды выигравшая чемпионат мира, навечно стала его обладателем. Так вот, к сведению не сведущих: к началу Второй ми-

Письмо от генерального секретаря ФИФА И. Блаттера

ровой войны Кубок Жюля Риме находился на хранении у чемпионов 1938 года — сборной Италии. Когда к власти в этой стране пришли фашисты и вспыхнула война, Отторино Барасси, итальянский спортивный функционер, отвечавший за сохранность ценного трофея, вывез «Золотую богиню» из хранилища в банке и, дабы предотвратить его попадание в руки нацистов, спрятал его в картонной обувной коробке под... собственной кроватью. Там «Золотая богиня» и пролежала до окончания войны.

Не хочу проводить каких-либо нескромных параллелей, но должен сказать, что, увы, не золотой, а керамический «Приз зрительских симпатий» чемпионата СССР по футболу, возвратившийся в 1989 году из Киева, но так и не отправленный в Москву, хранится у меня почти в таком же скромном месте, что и у Отторино Барасси много лет назад. В ожидании, как я надеюсь, более достойного пристанища. Например, в музее динамовского стадиона в Тбилиси или на каком-нибудь из стендов грузинской федерации футбола.

Сбудется ли?

«РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»

Павел Флоренский в Грузии

Продолжение

■ **Нинель МЕЛКАДЗЕ**

*Своей отчизны вновь лишась,
(Родной мне, отнятый Кавказ
Привык я родиной считать),
С ним потерял семью и мать.
Увы! Теперь далек, далек
Мой дальнезападный Восток!..*

П.А. Флоренский

Отголоски батумского детства в труде «Органопроекция»

В турецком квартале в Батуме была лавочка, вся пропахшая густым смолистым за-

пахом и морем, водорослями и морскими продуктами. В ней было столько прекрасных таинственных вещей, но для Павла лучше всего были венецианские бусы ручной работы. «С тех пор

как помню себя, — писал Флоренский, — я с безошибочной отчетливостью, сразу, почти не смотря, различал ручное производство от машинного. И хотя машины и их продукция весьма занимали мой ум, но непосредственно, не то эстетически, не то более нутром, машинные вещи мною презирались: весь мир был в моем восприятии пронизан разлитой в нем жизнью, его организующею, весь мир имел в себе внутреннюю игру глубины, а машинные вещи казались бездушными, плоскими какими-то, ничуть не таинственными, насквозь понятными».

В произведении руки человеческой, каково бы оно ни было, в самом грубом, Флоренский ощущал таинственное мерцание жизни, как непосредственно чувствуется это мерцание в какой-нибудь раковине, камне, обточенном морскими волнами, в слоистости агата или сердолика, в тончайших сплетениях жилок листа. Для Флоренского венецианские бусы были предельно правдивы и потому прекрасны. Каждая дышала жизнью и сливалась со всей природой. Бусы давали почувствовать формующую их руку, были непосредственными запечатлениями творческой силы. И потому их хотелось трогать, осязать и концами пальцев, и ладонью, хотелось подбрасывать на руке, хотелось пососать во рту.

«Другие бусы были стеклянные, преимущественно темно-зеленые и темно-синие, — продолжает отец Павел. — И о них хочется сказать тоже. Их цвет воспринимался именно как цвет стеклянной массы, как существенное свойство материала, — не как что-то украшающее внешне, произвольно и случайно. Их неполированная поверхность с естественно образовавшимися параллельными неровностями в виде тончайших штрихов их внутренние, параллельные этим штрихам неровности цвета проявляли глубочайшее строение самого вещества бус; так и чувствовалось, как размягченное стеклянное тесто вязко тянулось при изготовлении этих бус, как действовали силы поверхностного натяжения, придавая полужидкой массе свою

форму, — вообще чувствовалась запечатлевшаяся борьба и взаимодействие сил, бусы образовавших. Эти бусы запечатлелись в сознании как застывшие первоначала, как разоблаченная бесхитростным ремесленником глубокая правда вещества. Мне было ясно: бусы менее искусственны, нежели случайные куски вещества, ибо искусство тут вело не к сокрытию, а к раскрытию воли самого материала, помогло ему сделаться тем, что он сам хотел, тогда как машина насылует эту волю. Чрез эти бусы, посредством их, вещество мира научило любить себя и любоваться собою. И я полюбил его — не материю физиков, не элементы химии, не протоплазму биологии, а самое вещество, с его правдою и его красотою, с его нравственностью. Я чувствовал с трепетом, что бусы этого венецианца-контрабандиста не красивы, а воистину прекрасны, как вообще прекрасна усмотренная глубина бытия, как прекрасно все подлинное. Они были в моем детском сознании ноуменальны. И этот ноумен бус сливался с ноуменом моря, напоминая его камешки, его раковины, его то синюю, то сине-зеленую и зеленую воду. И теперь я спрашиваю себя: не это ли ощущение моря полуморскими насельниками Венеции внушило им искусство этих бус, таких родственных произведениям моря?»

Эти эмоции батумского детства, проанализированные Павлом Флоренским в созданном им на рубеже 1910-1920-х гг. труде «Органопроекция», подтверждают правомерность существовавшего с древнейших времен мнения, что осязание — одно из самых развитых чувств, способных возбуждать в сознании тончайшие эмоции, не исключая зрительных.

В жизни случаются самые странные неожиданности. Внимание исследователя научного наследия П.А. Флоренского Нины Каухчишвили привлекло одно объявление в палеографическом музее маленького итальянского местечка в венецианской области Valgano. В нем говорилось, что некоторые древние находки, вывешенные на стенах, можно и нужно по-

трогать, чтобы лучше ощутить их форму. Эта идея ее поразила, так как она соответствовала философским принципам, изложенным Павлом Флоренским в его произведении «Органопроекция», где анализируются глубинные связи, существующие в представлении Флоренского, между органами человеческого тела и созданными человеком предметами и орудиями труда. Подобные эмоции были знакомы Флоренскому с детства, о чем свидетельствует вышеизложенное. Иными словами, уже с ранних лет у Флоренского формировалось убеждение, что наша сенсорика главным образом связана с рукой, которая «оказывается первообразом большинства наших орудий». Он исходит из того, что «орудия расширяют область нашей деятельности и нашего чувства тем, что они продолжают наше тело», но в самой этой мысли, говорит Флоренский, «сокрыта большая трудность: ...как нечто неживое может продолжать живое?» Отец Павел ссылается на Е. Каппа, автора термина органопроекция, который, рассматривая функцию органов человеческого тела, исходил из идеи о том, что живое тело является первообразом техники. Как и его немецкий предшественник, Флоренский также усматривает в действии каждого органа осуществленную позже техническую идею, уделяя особое внимание строению и функциям руки: «Рука, или как поворачивающая пальцами, или как сжимающая есть мать всех орудий, совершенно так же, как осязание есть отец всех ощущений». К этой мысли автор возвращается, когда утверждает, что «главным представителем» осязания бесспорно надо признать руку: «...даже благороднейшее из ощущений, зрительное, — пишет он, — есть лишь утонченнейшее осязание, на что указал уже Аристотель».

Не меньшее внимание Флоренский уделяет зрению, инструменту синтеза световых и цветоощущений: многое в этой части «Органопроекции» приводит к мысли, что, работая над ней, отец Павел нередко оказывается во власти своих детских

впечатлений. Страницы воспоминаний, посвященные времени, проведенному с семьей на берегу Черного моря, демонстрируют это присущее Флоренскому, судя по всему, с детства чувство цвета. «Тоны около зелени, то голубоватые, то желтоватые, питали меня в детстве через море. Свои детские и отроческие годы я провел в постоянном и ненасытном, и всегда ненасытимом, созерцании моря. Редкий день проходил без того, чтобы мы, дети, т. е. я с Люсей, не побывали на берегу два, а то и три раза. И никогда море не наскучивало. Никогда впечатление от него не скользило по душе, всегда впивалось всем существом. Копались в мелком гравии, у самой воды, разыскивая цветные прозрачные камушки — опалесцирующие голубо и фиолетово халцедоны, таинственно светившиеся по всей массе внутренним мерцанием, словно налитые светом. Ленточные агаты, тонкослоистые оранжевые и красные сердолики с белыми прослойками, изредка аметисты, желтые и зеленые кварциты, а иногда — прозрачные топазы, как то монпасье, что приносили мы с собою, и многие другие, — редкий день мы приходили домой, не нагруженные добычей. Эти камни были похожи на художественно небрежные бусы ручной работы, рассыпавшиеся с подводного ожерелья; в моем сознании они роднились и почти непрерывно переходили в венецианские бусы, которые папа покупал нам в лавчонке на пристани. Таинственные наслоения сердоликов и агатов, их тончайшая слоистая структура настоятельно раживали мысль: я чувствовал тут какой-то сокровенный смысл природы, и, казалось, вот-вот он раскроется, объявится тайна».

Время он никогда не мог постигнуть как бесповоротно утекшее; всегда, насколько он помнил себя, в нем жило убеждение, что оно куда-то отходит, может быть, именно в эти самые скважины и пещеры стекает и там скрывается, засыпает; но когда-то и как-то к нему можно подойти вплотную — и оно тогда проснется и оживет. Прошлое — не прошло, это ощущение всегда стояло перед ним

*Первая работа 1890 в Иоджорах близ Тифлиса.
Первый мой снимок, к удивлению, оказался удачным.*

Первая фоторабота П.А. Флоренского. 1895

яснее ясного, а в раннем детстве еще более убедительно, нежели позже. Он ощущал реальность прошлого и рос с тем чувством, что на самом деле прикасается к бывшему много веков тому назад и душою входит в него. Слоистые камни представлялись ему прямым доказательством вечной действительности прошлого: «Вот они — слои времен — спят друг на друге, крепко прижавшись, в немом покое; но напрягусь я, и они заговорят со мною, — я уверен, — потекут ритмом времени, зашумят, как прибой веков».

Впоследствии, из детского нежного чувства к слоистости, он увлекся геологией — именно слоистыми образованиями, и приходил в восторг при виде четких геологических пластов. Ведь это буквально книга, как и книга — не есть ли осевшее время?

Приведенные цитаты демонстрируют врожденную наблюдательность Павла, дающую на выходе точность и пронзительность описаний. Все, связанное с морем в его батумских воспоминаниях, — прибрежные камушки, растения, морские коньки, засохшие рыбки — описывается им так, будто он дотрагивался до всего собственными руками, пытаясь понять и запечатлеть в себе их природу. Такой психологический опыт оказал влияние и на замысел «Органопроекции».

ФОТОГРАФИЯ — СИМВОЛ ВЕЧНОСТИ

Еще будучи гимназистом, Флоренский увлекся фотографией. С детских лет до кончины фотоснимок был для него символом вечности. 15-летним юношей, во время поездки в Германию, Флоренский живо интересовался фотоаппаратурой. В письме к отцу от 13 июня 1897 г. из Дрездена он пишет о желании приобрести «машину особой конструкции, которая дает рентгеновы фотографии». «Целыми днями лазил по горам, — пишет Флоренский, — фотографируя, делая зарисовки, записывая свои наблюдения, а по вечерам приводил все это в порядок... пластинки приходилось закладывать в аппарат с большими неудобствами, при свете».

ВТОРАЯ ТИФЛИССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Тифлис XIX — начала XX века подарил миру целую плеяду замечательных деятелей науки и культуры. Определенная заслуга в этом принадлежит тифлисским гимназиям и их замечательным, высокообразованным, талантливым преподавателям. В последней четверти 19 века в Тифлисе отмечался значительный спрос на гимназическое образование, результатом которого стало учреждение в 1874 году мужской прогимназии, преобразованной в 1881 году во

2-ю Тифлисскую классическую мужскую гимназию им. Великого князя Михаила Николаевича, наместника на Кавказе. В 2024 году эта гимназия отметила бы 150-летие со дня основания.

5 октября 1893 года при финансовой поддержке М.О. Арамянца на Великокняжеской улице (в настоящее время ул. Д. Уznaдзе) было заложено новое здание для Тифлисской 2-й мужской гимназии. Его Высокопреосвященство экзарх Грузии Владимир (Богоявленский) в присутствии почетных гостей, учащихся и их родителей произвел освящение места под строительство здания. 4 мая 1899 года новое здание гимназии и домовая церковь уже были построены. Их освятил экзарх Грузии архиепископ Флавиан (Городецкий). Сегодня в этом здании расположено министерство образования Грузии.

П.А. Флоренский поступил во 2-ю мужскую классическую гимназию в 1892 году, а в 1900 году закончил. Стоит заметить, что гимназисты того года выпуска отметились блестящими успехами в учебе — 5 золотых медалистов и 6 серебряных.

Из всех выпускников русских было 20, грузин и армян — по 15, евреев — 2, айсоров — 1.

Надо сказать, что из 53 гимназистов выпуска 1900 года 48 поступили в высшие учебные заведения: на филологический факультет — 6, юридический — 8, медицинский — 19, математический — 13, восточный — 2. По распоряжению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, князя Григория Сергеевича Голицына трем выпускникам 2-й мужской гимназии были назначены Кавказские стипендии: Владимиру Эрну (награжден золотой медалью), Михаилу Асатиани и Ираклию Церетели (награждены серебряными медалями).

Прославившуюся числом медалистов, 2-ю Тифлисскую мужскую классическую гимназию в июне 1900 года посетил Товарищ министра народного просвещения Николай Андреевич Зверев. Осмотрев здание гимназии, отметил, что «в отношении технического и гигиенического, гимназия эта может считаться одной из первых в

России. Особое внимание он обратил на рисунки, отобранные на соискание премии в Академии художеств, расспрашивал об их авторах. Затем самолично раздал свидетельства золотым медалистам: А. Ельчанинову, А. Парсаданову, Н. Семенникову, П. Флоренскому, В. Эрну и серебряным медалистам: М. Асатиани, Е. Блоку, М. Розенштейну, Я. Розенштейну, В. Фрейю, И. Церетели.

Павел Флоренский отметит, что их «...класс считался выдающимся, из него вышло довольно много деятелей». Однако, не отрицая заслуг гимназии в его образовании, Флоренский назовет проведенные в ее стенах годы потерей драгоценного времени: «Гимназия, в целом, не оставила во мне никаких радостных воспоминаний, она мне казалась чистою потерей драгоценного времени, элементарною и скучною, хотя конечно я

многим ей обязан». «Гимназия давала слишком мало, разве что знание классических языков, которое я очень ценю, но и оно могло бы быть, при той же затрате времени, гораздо основательнее».

Важное место в формировании Павла Флоренского занимают его друзья-одноклассники по гимназии Владимир Эрн, Николай Семенников, Александр Ельчанинов, Михаил Асатиани. В седьмом классе они организовали литературно-философский кружок, где обсуждались серьезные религиозные, философские и этические вопросы. Об учителях Флоренский писал: «Слава Богу: появились более или менее интересные учителя, это именно Бабанский по физике и Гехтман по истории... Думаем попросить Гехтмана руководить нами». Так Георгий Николаевич Гехтман, преподаватель истории, стал руково-

Тифлисская
мужская 2-я
гимназия

Павел Флоренский – гимназист

дить устроенным стараниями гимназистов научным кружком. Владимир Эрн писал о своем учителе в Curriculum vitae: «Его влияние в смысле возбуждения самостоятельности мысли и интереса к серьезному исследованию – на весь класс было огромно. А для меня лично его уроки были целой эпохой в моем внутреннем развитии. Пробуждавшейся мысли он давал обильное содержание, а своей обаятельной личностью давал живое и наиболее убедительное доказательство всей важности и ценности того пути, по которому он шел. Его преподавание подготовило меня к университету».

В.И. Кейдан в комментариях к хронике «Взыскующие Града» приводит высказывание поэта, литературоведа, библиографа Евгения Архипова о своих одноклассниках и о преподавателе Гехтмане: «В воспоминаниях одноклассников Владимир Эрн остался «вечно сосредоточен-

Владимир Эрн

ным искателем книг для своего духовного роста»... Не участвуя в «сражениях» между параллельными классами, он держался группы «нейтралитов»: Флоренского, Ельчанинова, Семенникова, Фрея... Чаше всего с Владимиром мы говорили о Г.Н. Гехтмане, новом преподавателе истории, и о древней Элладе; мы были буквально влюблены в каждый камень троянских и микенских раскопок. Гехтман знакомил нас с немецкими источниками о раскопках, приносил в класс карты и картограммы ...»

Г.Н. Гехтман был талантливым, вдохновенным педагогом. Отношения с ним его ученики будут поддерживать долгие годы. Именно Гехтман привил своим любимым ученикам особый стиль общения «учитель – ученик», который столь свойствен руской педагогике и который мы называли бы «кружковством». Одним из принципов его является шефство старших учеников над младшими. Здесь же отметим, что в 1923-1930 гг. Гехтман был директором Государственной публичной библиотеки ГССР. Незаурядный педагог, он в должности директора библиотеки разработал и внедрил свою систему профессионального роста. Из вос-

поминаний Георгия Аккермана, эконом-географа, библиографа и переводчика: «8 января 1926 года, вступив на порог библиотеки, я оказался в дружном, в высшей степени культурном и сплоченном коллективе. Каждый день, проведенный с Георгием Николаевичем, был своеобразным университетом. Он считал, что библиотекарь

Александр Ельчанинов

должен быть всесторонне образованным человеком и особое внимание уделял их интеллектуальному росту. Вскоре он вызвал меня в кабинет и передал список книг, которые посоветовал прочесть. Оказалось, что он всем сотрудникам дает такие списки, а потом ведет с ними беседу-разбор прочитанного. Вслед за первым списком последовали списки по истории, географии, литературоведению и искусству».

В статье, посвященной «Памяти Владимира Францевича Эрн», Флоренский эмоционально описывает гимназические годы: «Милый друг! ...Но может ли у меня не быть многих воспоминаний? Долгое время нашего знакомства, а потом и дружбы свидетельствует противное. Ведь мы с тобой учились вместе со второго класса гимназии, часто бывали друг у друга, прожили в одной комнате университетские годы и в

дальнейшем часто виделись и гостили один у другого; вместе увлекались мы многим, самым дорогим для нас, вместе воспламенялись теми мечтами, из которых потом выкристаллизовались наши позднейшие жизненные убеждения; вероятно, немного есть мыслей, которые не прошли чрез совместное обсуждение. Наша общая жизнь была насыщена и философскими интересами, и горячим чувством близости; мы прожили нашу дружбу не вяло, – и восторгаясь и ссорясь порою от перенапряжения юношеских мыслей. Мы вместе бродили по лесам и по скалам преимущественно, вместе читали Платона на горных прогалинах и на разогретых солнцем каменных уступах. Вместе же ценили мы благородный пафос кн. С.Н. Трубецкого и острую критичность Л.М. Лопатина, подсмеиваясь над лжеучеными притязаниями важных наших философских сотоварищей. И мы взаимно наблюдали, часто не говоря о том, ломки, тайные надломы в недрах души друг друга, и оба скорбели, в бессилии помочь, и оба уповали на иные силы помощи, из Вечности. Удивительно ли, милый друг, что у меня нет решимости из этой сплошной картины воспоминаний, из этих сплетающихся в одно целое впечатлений солнечного зноя, горячих скал, серых, грязно-зеленоватых и ржаво-красных лишаев, глубоких синих далей, тонкой каменной резьбы полуразрушенных древних храмов, выжженных полей, карабкающихся где-нибудь по кручам коз, темной синевы небес, сухого ковыля, летящего в горячем ветре, воздуха, окутывающего строгим благовонием богородичной травки, горной полыни и мяты, ломких иммортелей и других горных трав и, наконец, потоков слепящего света, – удивительно ли, если из всех этих впечатлений, сплетшихся с впечатлениями от тебя в неразрывное целое, я не нахожу в себе решимости вырывать отдельные случаи. Не от недостатка, а от избытка не решаюсь и не буду пробовать».

Продолжение следует

Джемал Гугушвили

РЫЦАРЬ СПОРТА И НАУКИ

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Не так часто случается, чтобы успешный спортсмен становился признанным ученым и тем более академиком. Ведь в большинстве случаев спортсмены после завершения карьеры либо становятся тренерами, арбитрами, спортивными менеджерами, инструкторами, либо уходят в бизнес, иногда – в политику.

Джемал (Элгуджа) Сергеевич Гугушвили известен общественности не только как прекрасный футболист, заслуженный тренер Грузии и заслуженный работник спорта Грузии, но и как ученый-академик, автор многочисленных научных трудов и бывший ректор двух вузов Тбилиси. 14 апреля ему исполнилось 80 лет. «За особые заслуги в развитии футбола» Министерство спорта страны приняло решение присвоить Джемалу Гугушвили звание «Рыцарь спорта» – высшее спортивное звание Грузии. Церемония награждения состоялась 10 апреля в министерстве, в ней приняли участие министр спорта Грузии Шалва Гоголадзе и первый вице-президент Федерации футбола Грузии Каха Чумбуридзе. А 12 апреля в столице прошел вечер, посвященный 80-летию Д. Гугушвили, с участием ветеранов футбола, ученых, представителей общественности, друзей и родных юбиляра.

Мы попросили Джемала Сергеевича рассказать о наиболее важных эпизодах его спортивной карьеры и пути в науке.

– Вы с детства увлеклись футболом или пробовали себя и в дру-

гих видах спорта?

– Тогда, в 1950-х годах, большинство детей просто было помещено на футболе, в том числе и я. Я родился и жил в Абашском районе, в селе Дзвели Абаша, закончил там первый класс, а потом наша семья переехала в Тбилиси. В возрасте 8 лет я впервые принял участие в турнире детских футбольных команд Надзаладевского района. Увлечение футболом осталось на всю жизнь. Будучи студентом Тбилисского зооветеринарного института, я был вратарем и одновременно тренером команды вуза, которая успешно выступала в республиканских и всесоюзных турнирах. В конце 1960-х годов я три года играл в «Синатле» Тбилиси (команда тбилисского трамвайно-троллейбусного управления, – Т.П.), которая трижды завоевала Кубок Грузии и два раза – всесоюзный «Кубок мил-

лионов», это Кубок СССР среди команд коллективов физической культуры. В октябре 1968 года в финале этого всесоюзного турнира, в Майкопе, «Синатле» выиграла у «Торпедо» Минска, а в октябре 1969 года в Кисловодске в финале того же турнира в трехраундовом драматическом поединке наша команда выиграла у московского «Динамо-2». Тогда, в Кисловодске, для выявления победителя понадобилось проведение трех финальных матчей. 5 октября была ничья 0:0, 6 октября – опять ничья 1:1, а 8 октября после основного и дополнительного времени вновь была ничья 0:0. Потом была серия пенальти, пробивали долго, мы выиграли с необычным счетом 16:15.

– Вы забили 4 гола в серии пенальти – такое бывает очень редко!

– Это незабываемая история. На третий финальный матч в Кисловодск для моральной поддержки нашей команды прибыла делегация из Тбилиси во главе с легендарным футболистом Борисом Пайчадзе. Пробивали пенальти, пришла моя очередь. Серго Сихарулидзе, опытный тренер нашей команды, громко сказал: «Гугушвили, готовься бить». Через несколько секунд диктор стадиона объявил: «Внимание, внимание, пенальти пробьет вратарь «Синатле» Джемал Гугушвили». В общем, в тот день мне пришлось 4 раза пробить, и все удары оказались точными. После этого я оказался в крепких объятиях одноклубников и чуть не задохнулся от радости.

С начала 1970-х до 2008 года Джемал Гугушвили был тренером. Сначала наставником команды зооветеринарного инсти-

Каха Чумбуридзе, Джемал Гугушвили, Шалва Гоголадзе

С президентом Туркменистана Сапармуратом Ниязовым

туда, затем старшим тренером студенческой сборной Грузии и сборной республики среди команд спортбществ, старшим тренером сборной СССР среди команд спортбществ, в 1990-х тренировал грузинские клубы «Моркинали», «Вит-Джорджия», «Алгети», был тренером молодежной сборной Грузии, главным тренером национальной сборной Туркменистана и ашхабадского футбольного клуба «Копетдаг» — ведущей команды страны. Гугушвили — первый грузинский специалист, который стал главным тренером национальной футбольной сборной другой страны.

— А как вы попали в Туркменистан?

— В 1982 году я работал старшим тренером футбольной сборной СССР среди команд спортбществ, в той сборной были игроки из разных республик СССР, в их числе — Николай Мингазов из Туркменистана. Как выяснилось, именно он в 1996 году предложил футбольному и спортивному руководству Туркменистана мою кандидатуру на пост главного тренера национальной сборной. И еще. Тогда в команде «Копетдаг» играли два грузинских футболиста — Каха Чумбуридзе и Гурам Аспиндзелашвили. Оказывается, руководители футбола Туркменистана обратились и к ним с вопросом о моих тренерских и человеческих качествах. Мне позвонили из Ашхабада и пригласили на пост главного тренера для того, чтобы готовить национальную сборную к матчам отборочного турнира ЧМ-1998. Я поблагодарил, но взял паузу, чтобы все обдумать — ведь мне предстояло уехать в другую стра-

ну. Вскоре я согласился и поехал в Ашхабад. Высшее руководство Туркменистана, футбольная федерация, ветераны и поклонники футбола приняли меня очень тепло. Незабываемой была победа сборной Туркменистана над Ираном — мы выиграли выездной товарищеский матч в Тегеране, вернулись в Ашхабад, и нам устроили грандиозную и трогательную встречу как жители страны, так и руководство Туркменистана. После той победы меня принял тогдашний президент Туркменистана Сапармурат Ниязов. Хочу добавить, что тогда в сборной Туркменистана играли двое грузинских футболистов — Буба Ткавадзе и Каха Гоголадзе.

— В конце 1997 года вы вернулись в Грузию. Но, говорят, власти Туркменистана просили вас остаться?

— Просили. Но дело было в том, что мне позвонили мои коллеги из зооветеринарного института и попросили вернуться в Тбилиси, предложив стать и.о. ректора вуза, а затем участвовать в конкурсе на пост ректора. Я не сразу дал ответ. С одной стороны, не хотел оставлять работу на посту главного тренера сборной Туркменистана, но в то же время понимал, что рано или поздно тренерам все равно приходится уходить, так лучше уходить тогда, когда ты на полосе удач. Но был и другой, не менее важный фактор. С середины 1970-х годов я занимался наукой, в 1986 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1993-м — докторскую, был доктором сельскохозяйственных наук, заведовал кафедрой в зооветеринарном институте. Я понимал, что однажды мне придется уйти из тренерской работы,

полностью сосредоточиться на научной деятельности и попробовать себя на посту ректора. И я решил вернуться. Меня правильно поняли в Ашхабаде и очень красиво проводили. Кстати, тогда не было прямых авиарейсов в Тбилиси, поэтому по решению президента Ниязова мне выделили специальный самолет, и я на этом самолете прилетел в Тбилиси. Это была большая честь для меня и большое уважение со стороны руководства Туркменистана. В последующие несколько лет меня каждый год приглашали в Ашхабад на «Кубок президента Туркменистана», это было очень приятно, и я каждый раз с удовольствием летал туда для участия в этом футбольном турнире.

Международный футбольный турнир «Кубок президента Туркменистана» основан в 1994 году и посвящен Дню Государственного флага Туркменистана. В разные годы в этом турнире выступали клубы из республик бывшего СССР, а также Турции, Ирана, Южной Кореи, Китая, Таиланда, Бахрейна и других стран. Среди победителей турнира были команды Туркменистана (национальная и молодежная сборная страны, сборная Ашхабада, клубы «Копетдаг», «Ниса» и МТТУ), Ирана («Эстегал», 1998), Грузии («Торпедо» Кутаиси, 2002) и Молдовы («Дачия», 2006).

— Вы вернулись в Тбилиси и стали ректором зооветеринарного института.

— Вернулся, сперва стал и.о. ректора, с 1998 по 2005 год был ректором этого вуза. Продолжал и научную работу. Затем около года работал проректором Тбилисского сельскохозяйственного института, потом — ректором Академии физической культуры и спорта. В настоящее время работаю в Академии сельскохозяйственных наук Грузии.

Джемал Гугушвили является автором 227 научных работ, из них 5 книг. Он академик Национальной академии наук Грузии, академик Академии сельскохозяйственных наук страны, членом АН Нью-Йорка. Кавалер ордена Чести.

Звание «Рыцарь спорта» присвоено ему абсолютно заслуженно — Джемал Сергеевич и в спорте был рыцарем, и в жизни он такой.

Валерий Воронин

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

■ **Демико ПОЛАДЗЕ**

В последний раз он вышел на футбольное поле больше пятидесяти пяти лет назад — срок более чем достаточный, чтобы следы человека стерлись из памяти.

Но великих не забывают.

Невозможно забыть имя Валерия Воронина, капитана сборной СССР по футболу, чемпиона и обладателя Кубка СССР. Это мы помним. Но лишь специалисты, порывшись в своих архивах, вытащат факты из жизни Воронина. В 1962 и 1966 годах он вместе с Львом Яшиным был включен в символическую сборную мира. В 1964 году Воронин — в десятке лучших футболистов Европы, ему и Яшину вручили «Золотой Оскар» — в то время высшую футбольную награду! Помимо этого, он играл за сборную УЕФА против сборных Югославии и Скандинавии, дважды признавался лучшим футболистом СССР — в 1964 и 1965 годах.

А его собственный век был очень недолог.

Мне повезло — я был знаком с Валерием Ворониным. Ценил его как человека с открытой душой, интеллектуала. Я называл его

«русским Беккенбауэром».

«Воронин — выдающийся мастер отечественного футбола, — читаем в энциклопедическом справочнике «Российский футбол за 100 лет». — Атлетически сложенный, работоспособный и трудолюбивый, выделялся большим диапазоном действий, широким тактическим кругозором, тонкой позиционной игрой. Владел рациональной и надежной техникой обработки мяча и обводки, хорошим отбором мяча, умением сделать своевременную и точную передачу на любое расстояние. Воронин отлично справлялся с любыми игровыми заданиями — от организации атакующих действий до персональной опеки соперника, был футболистом-универсалом. Хорошо играл головой, обладал поставленным ударом с обеих ног. Был одним из самых популярных футболистов 60-х, эlegantный, с внешностью киногероя».

Прекрасно сказано, но, думаю, все-таки надо вспомнить и о первых шагах этого великого футболиста.

Валерий Воронин попал в московское «Торпедо» еще при Бескове. В справочниках оши-

бочно пишут, что он занимался у Константина Ивановича в ФШМ (Футбольная школа молодежи). На самом деле Валерия привел к нему отец, служивший вместе с Бесковым в армии, — тренер взял его в дубль шестнадцатилетним. Тем не менее к вундеркиндам будущего игрока №1 не причислишь — ему пришлось много учиться. Сменивший Бескова Виктор Маслов обучал Воронина футболу в самых различных проявлениях.

Валерий обращал на себя внимание. Его игра приковывала к себе взгляды не только знатоков, но и любителей, которые больше всего ценили в игре красивый и корректный футбол.

Восемнадцатилетним пареньком он ездил в бельгийский Гент, где защищал честь сборной юношеской команды. Тогда с ним играли Э. Мудрик, В. Шустиков, И. Численко, О. Сергеев, В. Короленко.

В 1959 году в составе молодежной сборной команды Воронин успешно выступил в итальянском городе Казале-Монферрато в честь судьи Калигериса, некогда скончавшегося на этом поле во время матча. Это, пожалуй, была последняя юношеская игра Воронина. Он возмужал, стал «футбольным мужчиной» и играл на равных с известными асами.

Работа в дубле заняла у него четыре года. В чемпионатах 1958 и 1959 годов он в общей сложности выходил на поле за основной состав восемь раз.

В 1964 году Воронина дважды приглашали в сборную Европы, которой руководил знаменитый немецкий тренер Хельмут Шен, впоследствии приведший сборную ФРГ к титулам чемпионов Европы и мира. После игры со сборной Скандинавии он сказал о Воронине так: «Это был один из лучших актеров нашего спектакля».

67 матчей сыграл за сборную Валерий Воронин. И последний из них — 11 мая 1968 года в Москве — исторический, когда в четвертьфинале чемпионата Европы, уступив в Будапеште венграм 0:2, сборная взяла дома убедительный реванш 3:0 и вошла в четверку лучших команд Старого Света.

В связи с этим матчем запомнился забавный эпизод. На следующий день после встречи сборная СССР в полном составе просматривала свою игру, сня-

Муртаз Хурцилава и Валерий Воронин

тую на киноплёнку (видеозаписей тогда не существовало). Известный журналист Олег Кучеренко сидел в зале рядом с Ворониным, и Валерий постоянно комментировал все эпизоды игры. Во втором тайме при счете 1:0 Хурцилава готовился бить штрафной. Воронин обратил внимание на крупный план и сказал Кучеренко: «Видишь, я говорю Хурцилаве: не бей, пока я не подойду к воротам, чтобы там побороться за мяч. А что делает Муртаз? Не слушает меня, бьет и забивает». Валерий нарочито возмущался, но чувствовалось, что он доволен случившимся.

Через десять дней олимпийская сборная СССР в Москве обыграла Чехословакию и готовилась к ответной встрече. Но в сборной случилось ЧП. Из команды за нарушение спортивного режима отчислили Воронина. Старший тренер Михаил Якушин (в свое время много сделавший для грузинского футбола) умолял вышестоящие инстанции не делать этого, так как команду ожидали ответственные встречи в Острове и на чемпионате Европы в Италии. Но кто слушал Якушина! Никто не хотел на себя брать ответственность простить «тяжелейшее преступление» прославленного спортсмена.

На другой день после отчисления из сборной Валерий попал в страшную автокатастрофу и на

нем как игроке поставили крест.

Легендарный Муртаз Хурцилава считает Воронина одной из ярчайших звезд всех времен: «Я всегда с уважением относился к команде московского «Торпедо». Мне не с чем сравнить эту энергию, облаченную в артистизм. Такого я больше не встречал в футболе. «Торпедо» с Ворониным не громило, не подавляло, не терзало, а просто выглядело талантливее».

В 1960-65 годах незабываемые, всегда интересные встречи

проходили между нашим «Динамо» и московским «Торпедо». В один из приездов в 1966 году я и познакомился с любимым футболистом. Они жили в гостинице «Иверия», а обедали неподалеку, в кафе «Метро», где официанткой в то время работала неизвестная Джунга Давиташвили. Там, за столом, я сфотографировал Воронина и Стрельцова, а сам постеснялся сняться с ними на память, о чем сейчас очень жалею.

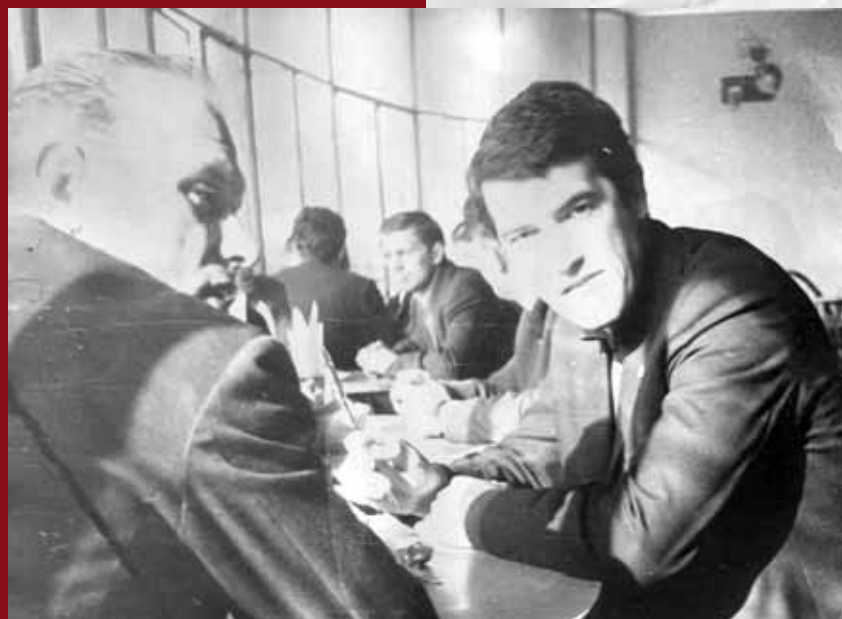
Сегодня этих знаменитых людей уже нет в живых, и нет когда-то популярного кафе.

Я утешал себя тем, что надевал подаренную великим футболистом белую майку с черной буквой «Т»...

Мне довелось взять интервью у Воронина еще раз в 1967 году, когда сборная СССР в Тбилиси принимала греков и разгромила их со счетом 4:0. В этот день в последний раз защищал ворота сборной лучший вратарь всех времен Лев Яшин.

Во время беседы В. Воронин с уважением говорил о своей любимой команде 1960-го и 1965 годов. Футболисты «Торпедо», на его взгляд, были талантливы от Бога, одареннее, универсальнее, а в 65-м успех был достигнут в большей степени за счет трудолюбия.

Помню, когда речь зашла о грузинском футболе, Воронин с сожалением отметил, что на чемпионате мира 1966 года чувствовалось отсутствие такого сильного игрока, как неповторимый Михаил Месхи.

В кафе «Метро». Фото Демико Поладзе

4 июля 1965 года в Москве я присутствовал на встрече сборных СССР и Бразилии. Своими глазами видел на зеленом поле «короля футбола» Пеле и только 12 минут – Гаринчу. В нашей беседе я попросил его вспомнить этот матч.

«Мне поручили опекать Пеле, – рассказывал Воронин. – Я думал, даже был в полной уверенности, что справлюсь. Ведь в то время меня признавали лучшим футболистом страны, я находился в прекрасной физической форме, изучил по киноматериалам матчи с участием Пеле. Ну, кажется, все про него узнал. А вышел на поле – и проиграл. Его спросите, почему? Таких футболистов полностью из игры невозможно исключить, если, конечно, соперничать честно».

Он очень переживал, что не сумел «закрыть» Пеле.

Главным его качеством как профессионального игрока было умение извлекать уроки из своих неудач. Через год на чемпионате мира в Англии он прекрасно показал это, блестяще справившись с опекой венгра Альберта, немца Зеелера, португальца Эйсебио. А потом Валерий получил из рук английской королевы хрустальный бокал – приз самому элегантному футболисту чемпионата мира.

Хочется вспомнить матч, проходивший в Лужниках на третий день после встречи с бразильцами. Наши динамовцы играли с торпедовцами. До конца игры оставалось 15 минут, и Слава Метревели открыл счет. Казалось, автозаводцы от такой неудачи должны были растеряться. Но у них нашлись силы выйти из трудного положения. Вблизи нашей штрафной площадки назначается штрафной удар. Почти все динамовцы встали в «стенку». И Воронин подрезал мяч так, что он оказался в противоположном от вратаря Котрикадзе углу ворот – 1:1.

Небезынтересно мнение тех известных спортсменов, с кем вместе герой нашего очерка все силы вложил в развитие самого популярного вида спорта.

Валентин Иванов: «Он видел вперед на сто ходов и сто метров».

Эдуард Стрельцов: «Диапазон его действий был громадным. А головой играл так, как ни мне, ни Валентину Иванову не сыграть было...»

Июжер Сабо: «Всегда своевременно отдавал мяч, как мы говорим, всегда правильно предложит себя, без опоздания придет на помощь, выручит, подстрахует. Здорово! С таким партнером не страшно никакое испытание».

Виктор Понедельник: «Не знаю второго футболиста, у которого бы так ярко, неповторимо сочетались потрясающая игра с внешней красотой. Обводка, передачи, удар, отбор мяча были искусны, изящны. Он определил свое время в футболе. Если бы он играл чуть позже... Видел матч, где в полузащите играли слева Нетто, справа – молодой Воронин. Это было потрясающее зрелище. Такой пары полузащитников в то время футбольная Европа не знала».

Владимир Баркая: «В 1960 году, после печального финального матча с московским «Торпедо» нашим динамовцам предстояло турне по Англии. Для усиления включили в «Динамо» Валерия Воронина. Мне повезло, я жил с ним в одной комнате, мы много беседовали, а общие взгляды нас сблизили. Он прекрасно говорил на английском языке, и во время прогулок по городам всегда на него обращали внимание, особенно представительницы прекрасного пола».

Он прожил в футболе жизнь Великого игрока. А пришедшее ему на смену поколение видело в заслуженном мастере спорта Валерии Воронине образец для подражания.

Запись аудиокниги на казахском языке

АУДИОКНИГИ БЕЗ ГРАНИЦ

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

Фото: Шалва СУРАМЕЛАШВИЛИ

Звукозаписывающая студия Союза слепых и глухих Абхазии вот уже девятнадцать лет превращает книги в голос – на разных языках мира. В этом году к архиву добавились классические произведения Казахстана, прозвучавшие на грузинском и казахском языках.

Союз слепых и глухих Абхазии «Гера» уже 33 года поддерживает людей с ограниченными возможностями здоровья. Его небольшой офис в итальянском дворике в Авлабаре стал настоящим центром адаптации и социальной помощи. В обществе более 500 членов, среди которых грузины, русские, украинцы и представители других национальностей.

ГЛАВНЫЕ ЦЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ

«Наша основная цель, – говорит председатель Союза слепых и глухих Абхазии Хвича Гуния, – это предоставление доступа к художественной и просветительской литературе людям с ОВЗ.

Для этого мы используем разные подходы: один – для слабослышащих, другой – для слабослышащих. В одном из наших проектов мы объединили несколько форматов: создали аудиоверсию грузинских сказок и добавили субтитры, получив тем самым аудиовизуальную книгу для глухих и слепых. Мы представили этот проект Всемирному альянсу глухих и слепых, где он был высоко оценен, поскольку такая модификация

оказалась уникальной и полезной».

Союз «Гера» также оказывает помощь в трудоустройстве, мониторит востребованные профессии и помогает адаптироваться к рынку труда. Например, глухие художники участвуют в создании видеокомиксов, а слепые работают в сфере маркетинга, занимаясь телефонными продажами. Союз предоставляет необходимые знания и помогает освоить эти профессии.

О примере интеграции людей с ограниченными возможностями Хвича Гуния рассказывает так: «Еще направление, которое я развиваю, — создание инклюзивных аудиокниг. В рамках этого проекта я привлекаю слепых людей с художественным талантом, которые хорошо читают. Мы проводим кастинг среди них, и они участвуют в создании аудиоспектаклей, которые раньше назывались радио-пьесами».

Хвича Гуния гордится тем, что впервые в Грузии им удалось создать профессиональную аудиокнигу — радиоспектакль, в котором наравне с профессиональными актерами участвуют люди с ограниченными возможностями.

«Это настоящая интеграция, и результат — качественный культурный продукт. В рамках проекта мы поставили такие спектакли, как «Король Лир», «Кавказский меловой круг», «Давид Строитель». Я получаю отклики от слушателей — люди смотрят, слушают и благодарят. Сам я тоже человек с нарушением зрения и слуха, и для меня особенно важно, чтобы такие проекты жили», отметил председатель Союза.

АУДИОКНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Одно из главных направлений деятельности Союза — помощь детям с ограниченными возможностями здоровья. Именно поэтому в 2006 году организация с помощью Посольства Венгрии приобрела звукозаписывающую студию.

«Мы делаем аудиозаписи для тбилисской школы-интерната №202, где обучаются слепые и слабовидящие дети, — говорит Хвича Гуния. — И мы для них подготовили аудиокниги сначала родной литературы на грузинском языке. Потом мы начали записывать книги на русском языке, на английском. Затем уже пошли заказы: на немецком, на итальянском, французском языках. После этого мы перешли к литературе соседних стран — Армении и Азербайджана. Цикл стал развиваться и расти. Это стало чем-то вроде хобби: и я решил — давай запишу книги на разных языках. Считаю, что дети должны слышать не только родной язык, грузинский, но и языки всего мира. И я что мог,

Хвича Гуния

то сделал: на турецком записали, на иранском, на украинском. Между прочим, на мегрельском тоже. Хочу сделать записи и на сванском языке».

Председатель Союза слепых и глухих Абхазии Хвича Гуния, размышляя о странах постсоветского пространства, обратил внимание на Казахстан — страну с богатой историей и сильной культурной традицией. Он начал изучать казахскую литературу, и особенно его привлекло творчество просветителя Абая Кунанбаева, который в своих стихах поднимал важнейшие вопросы воспитания и образования.

«Я сравнил его с нашим Ильей Чавчавадзе, потому что оба они уделяли внимание воспитанию детей и обучению. Я нашел стихи и поэму Абая на грузинском языке и решил записать их также на казахском. Обратился в Посольство Казахстана в Грузии, и казахстанцы были удивлены, что мы хотим сделать это и на их родном языке. И с помощью дипломатов и казахской диаспоры Грузии мы это сделали. Сейчас у нас уже готова новая аудиокнига. Следующий шаг — мы соберемся и вручим эти аудиокниги детям, расскажем им немного об истории Казахстана и передадим им произведения», — рассказывает Хвича Гуния.

О ДОМЕ МЕЧТЫ

За 25 лет Союз реализовал около ста творческих проектов. Сегодня организация продолжает свою работу, разрабатывая новые идеи и находя финанси-

рование через государственные и международные гранты. В течение года они реализуют 2-3 проекта. Например, с помощью гранта Министерства образования были созданы аудиокниги для профтехучилищ. Вырученные от их продажи средства частично поддерживают деятельность Союза.

Сегодня Союз слепых и глухих Абхазии сталкивается с одной важной проблемой — состоянием своего помещения. Здание, в котором расположена организация, находится во временном пользовании, и официально не принадлежит Союзу. Отсутствие достаточного финансирования привело к тому, что помещение постепенно приходит в упадок: нуждаются в ремонте пол, потолок, стены, а также системы проводки и канализации.

«Это действительно болезненная тема, — подтверждает председатель Союза. — Уже 25 лет я обращаюсь к правительству с просьбой передать это здание на баланс нашей организации. За это время мы могли бы сами провести капитальный ремонт. У меня есть мечта — создать первый в Закавказье Дом издательства для людей с ограниченными возможностями. Я бы хотел, чтобы здесь появился маленький кинотеатр: показывать фильмы с сурдопереводом для глухих и с аудиодескрипцией для слепых. Чтобы люди приходили, общались, играли в шахматы, шашки. Это было бы по-настоящему живое и открытое пространство».

ТЕНИ В РАЮ

Нина МАЗУР

Эмират Фуджейра на берегу Индийского океана — один из красивейших в ОАЭ, просто земной рай, — вот уже в который раз становится центром притяжения для создателей спектаклей в жанре монодрамы из разных стран. В апреле 2025 года здесь собрались не только актеры и режиссеры, показывающие свои работы, но и участники Международного Форума Монодрамы, и руководство Международного Института Театра (ЮНЕСКО), — словом, представительство было серьезным.

И сами моноспектакли продемонстрировали широкий спектр чувств, мыслей, тревог и надежд как арабского мира (очень разнообразно представленного) и стран Африки и Азии, так и европейцев.

При всем различии театральных и культурных традиций, не позволяющем сравнивать несравнимое, отчетливо вырисовывается «общий знаменатель»: стремление к справедливому мироустройству,

протест против социальных зол.

Проще говоря, осознание права человека на счастье. И глубокое разочарование, граничащее с отчаянием.

Размышляя об увиденном, понимаешь: здесь не так уж важно — «как». Важно — «о чем».

Актер Сайед Рашиди (Иран) в спектакле «Прямоугольник» пересматривает историю Дон Кихота. В новой трактовке (режиссер Зара Рамзанян) это уже не благородный рыцарь, а некий «гуру». Он обещает «спасти» своих последователей. А Санчо Панса — его бизнес-менеджер и продюсер, который и внушает Дон Кихоту, что тот настоящий герой, обладающий особой, эффективной энергией. Естественно, в результате оказывается, что это не так.

Сириец Сухаил Хаддад представил зрителям судьбу актера, оставшегося в стране, несмотря на разрушения и ужасы войны (спектакль «Лица», режиссер Джихад Саад). Многие погибли, еще больше людей лишились крова. Артист переживает тяжелый психологический кризис. Его

коллеги и друзья либо погибли, либо заключены в тюрьму, либо бежали из страны. Он остается наедине с призраками прошлого.

Еще один спектакль из Сирии, и тоже о войне. Мохаммед Хаддаки в спектакле «Завещание Мэри» играет школьного учителя, ведущего на развалинах прежней жизни беседу с маленькой девочкой, убитой солдатами. Другого утешения у него нет.

Осама Качкар из Туниса представил спектакль «Один». Его экспрессивный герой ищет возможность забыть болезненные страницы собственной жизненной истории, чтобы жить дальше. Избежать ловушек памяти непросто, но найти новый смысл жизни необходимо.

«Последний день» — так называется спектакль актрисы из Алжира Шахиназ Дарбал. Героиня хочет стать художницей и порывает с семьей. Обретя известность за границей, она возвращается на родину и осознает, что предупреждения близких имели под собой основание. Глубинные связи рвутся с кровью... И поиски счастья в чужой стране имеют оборотную сторону.

Актер Чарльз Тендребеодо (Буркина-Фасо) обладает удивительной пластикой; каждое его движение совершенно по грации и выразительности. Невольно подумается: какой Отелло из него бы получился! Но спектакль «Моя вина» говорит о современной Африке — о коррупции, геноциде, кровавой лжи власти имущих. Времена слепого доверия сильным мира сего прошли — отчетливое послание этой авторской работы.

Пьеса Мохаммеда Саида Аль-Данхани (ОАЭ) «Фонарь», воплощенная актером Абдуллой Аль-Туркмани, повествует о человеке, чья душа настолько исстрадалась и истончилась в конце жизненного пути, что он научился... превращаться в фонарь. Да-да, в фонарь, освещающий его жизнь. Нельзя же вечно путешествовать в темноте.

Египет, Саудовская Аравия, Оман, Ирак, Бахрейн... Темы экзистенциального одиночества, насилия, женского неравенства, социальной несправедливости...

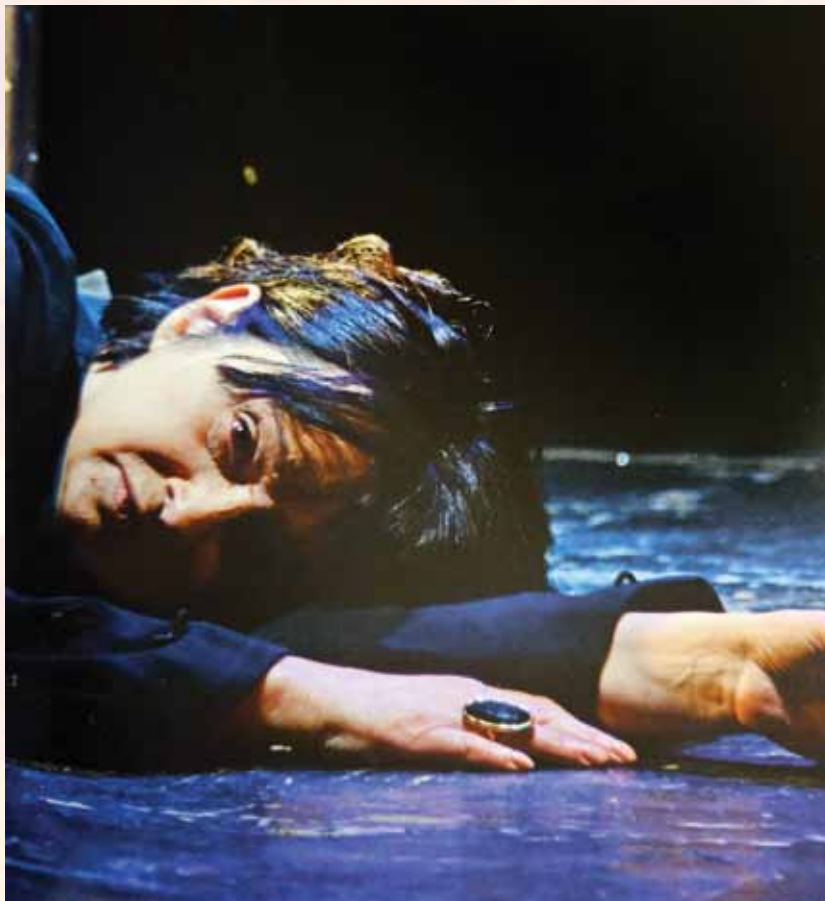
А что же европейцы?

Рафаэль Бенито (Испания) в авторском спектакле интерпретирует «миф о Мееде» с современной точки зрения – как борьбу женщины за свои права. Примечательно, что актер ведет рассказ от имени Мееды, перевоплощаясь в нее, – и тем временем выстраивает на сцене остов корабля, под которым найдет свою гибель Ясон.

А Деспина Сарафейду из Греции объединила в своем спектакле образы всех Меед: Сенеки, Корнелия, Жана Ануя, Хайнера Мюллера... Получилась некая панорама символов и традиций, воплощенная в страстной и мощной женской натуре. Не случайно эта пьеса под названием «Красная пустота» написана женщиной – Софией Дионисопуло; она же и осуществила постановку. Спектакль-бунт, спектакль-угроза...

И вновь о пустоте... Актер Ян Гжеденяк из ФРГ в спектакле «Мель» (режиссер Ионас Клиненберг) анализирует пространство между сознательным и бессознательным, пустоту внутри человека. Вольно или невольно, такой анализ выглядит как шаг к пропасти...

Особняком смотрятся в фестивальной программе спектак-

«Агнес, жена Уилла»

ли из постсоветских стран.

Армения представила «Эффект Элджернона» по известному произведению Дэниела Киза. Армен Матевосян сыграл трогательную историю превращения умственно отсталого юноши в интеллектуала благодаря научному эксперименту. Но этот эксперимент имеет и «обратный ход», приводящий к смерти. Чистая душа Элджернона, его доброе отношение ко всему, что его окружает, никого не оставляют равнодушным. Призыв к состраданию, человечности – лейтмотив спектакля.

Казахстан привез спектакль на русском языке «Одного кто знает?..» в исполнении Юлии Кудряшовой (постановка Дины Жумабаевой, пьеса Бригитты Швайгер). Пронзительная история молодой надзирательницы концлагеря, почитательницы гитлеровских идей, которая на поверку оказывается наполовину еврейкой, и потому становится узницей того же концлагеря. Поняла ли она теперь, что была только винтиком жестокого механизма; очистился ли ее мозг

от фашистской идеологии? Вряд ли: в баракке под подушкой она прячет... портрет своего кумира Гитлера.

Спектакль театра им. Грибоедова (Грузия, Тбилиси) «Агнес, жена Уилла» по пьесе Н. Мазур тоже прозвучал на русском языке. Спектакль поставил знаменитый грузинский режиссер Автандил Варсимашвили, работы которого отличаются изысканностью и глубиной.

Агнес... Имя, которое таится в тени великого Гения. Кто же она, жена Шекспира, женщина, которой дано слышать «флейту Гамлета»? Пленница собственного мира, где границей является закрытая дверь, в которую никому нельзя войти? Мудрая вещунья? Знахарка, готовящая отвары из трав для спасения других, но не себя? Виртуозно ведет партию Агнес блестящая грузинская актриса Ирина Мегвинетухуцеси. Что есть наш мир? Место боли и страдания, одиночества и отчаяния? Нет, – отвечает спектакль. Мы живем для любви и прощения, покоя и света.

«Одного кто знает?..»

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

В поте лица

О напряженном труде, с полной отдачей и большим усердием.

Источник: Бытие, 3:19. За первый грех Бог наказал Адама тем, что он должен был добывать себе хлеб тяжелым трудом: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

В рассуждении чего бы покушать

Шутливое выражение о желании перекусить.

Источник: рассказ А.П. Чехова «Жалобная книга»: «Проезжая через станцию и будучи голоден в рассуждении чего бы покушать я не мог найти постной пиши. Дьякон Духов». Следующая запись: «Лопай, что дают».

В ритме (темпе) вальса

Устойчивое выражение в значении «быстро, споро, не мешкая».

Точный источник установить затруднительно. Словосочетание стало особо популярным после выхода на экран кинофильма «Цирк» (1937), в котором впервые прозвучала песня «Лунный вальс»:

*В ритме вальса все плывет,
Весь огромный небосвод.
Вместе с солнцем и землей
Закружился шар земной...*

В России две напасти...

Ироническая характеристика России в период реакции при Александре III.

Источник: экспромт В.А. Гиляровского. По воспоминаниям

Н.Д. Телешова, «Гиляй щедро расточал направо и налево экспромты по всякому поводу, иногда очень ловко и остроумно укладывая в два или четыре стиха ответ на целые тирады, только что услышанные. Когда только появилась толстовская пьеса «Власть тьмы», Гиляй сострил:

*В России две напасти:
Внизу – власть тьмы,
А наверху – тьма власти».*

В России надо жить долго

Фраза принадлежит Корнею Чуковскому. В беседе с Л. Либединской он сказал: «Когда я начинал печататься, я был самый молодой среди литераторов, а теперь я самый старый! В России надо жить долго – интересно!» А в разговоре с В. Кавериным: «В России надо жить долго! Долго!» (Ответный комментарий Каверина: «Жил, жил и дожил до признания»).

Можно предположить, что фраза Чуковского перекликается со словами, приписываемыми А.Н. Островскому: «Русский писатель должен жить долго» (Октябрь. 1999. № 3), а также с замечанием Ф. Сологуба: «Поэт в России должен жить долго, чтобы пережить всех мемуаристов».

Есть версия, что автором этого выражения является не К. Чуковский, а В. Шкловский.

Со временем фраза обрела новую, ироническую, версию: «В России надо жить долго – до всего доживешь!»

В семье не без урода

Ироническое выражение о том, что и в самом успешном коллективе или хорошей семье найдется человек, отличающийся

ся отрицательными качествами.

Но изначально, как полагают некоторые исследователи, эта поговорка имела противоположное значение, поскольку, по их мнению, слово «урод» означало первенца в семье или старшего сына, то есть человека, который стоит «у рода».

Широкую популярность выражение приобрело благодаря басне И.А. Крылова «Слон на воеводстве»:

*Хоть, кажется, слонов и
умная порода,
Однако же в семье не
без урода:*

*Наш воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост.*

В шесть часов вечера после войны

Шутливое выражение о попытке назначить точное время встречи задолго до самой встречи.

Источник: роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время первой мировой войны». В самый разгар боевых действий Швейк назначил своим друзьям свидание в кабачке «У чаши» на шесть часов вечера после войны.

Особо популярным это выражение стало благодаря советскому художественному фильму «В шесть часов вечера после войны» (1944). Герои фильма договорились встретиться у кремлевской стены «в шесть часов вечера после войны» и, несмотря на многочисленные трудности и испытания, сдержали свое обещание.

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

სეზონი 179
СЕЗОН 179

მაისი МАЙ 2025

პრემიერა ПРЕМЬЕРА

1 ივნისი
ИЮНЯ

კ. გოლდონი მშვენიერი ქართველი ქალი კომედია ორ მოქმედებად

დამდგმელი რეჟისორი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი

К. Гольдони ПРЕКРАСНАЯ ГРУЗИНКА Комедия в двух действиях

Режиссер-постановщик
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

2 პარ. Пт.	ი. ბუნინი И. Бунин	სიყვარულის ხაივნავი საბედისწერო ისტორიები ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	АЛЕИ ЛЮБВИ Роковые истории в двух действиях (Большой зал)	
3 შაბ. Сб.	ს. შროცკი С. Шродек	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)	
4 კვ. Вск.	პ. ანდერსენი Г.Х. Андерсен	ტირვეული პრინცესა მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	КАПРИЗНАЯ ПРИНЦЕССА Музыкальная сказка в одном действии (Большой зал)	
9 პარ. Пт.	თ. დოსტოევსკი Ф. Достоевский	თვინიარი ფანტასტიკური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	КРОТКАЯ Фантастическая драма в одном действии (Малый зал)	
10 შაბ. Сб.	ს. ალექსიევიჩი С. Алексеевич	ჩერნობილის ლოცვა დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА Документальная драма в одном действии (Малый зал)	
11 კვ. Вск.	ნ. კალატოზი Н. Калатош	მძინარე მზეთუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	
16 პარ. Пт.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь	შაშვლის წარიღები ტრაგიკომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО Трагикомедия в одном действии (Малый зал)	
17 შაბ. Сб.	ა. ოსტროვსკი А. Островский	ჭაქა-ქუხილი დრამა ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ГРОЗА Драма в двух действиях (Малый зал)	
18 კვ. Вск.	პ. ტრევერსი П. Тревер	მერი პოპინსი მიუზიკლი ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	МЭРИ ПОППИНС Мюзикл в одном действии (Большой зал)	
23 პარ. Пт.	რ. კლდიაშვილი Р. Кладяшвили	ჩემი ოცნების თეატრი დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ТЕАТР МОЕЙ МЕЧТЫ Драматическая комедия в одном действии (Малый зал)	
24 შაბ. Сб.	ა. ჩეხოვი А. Чехов	ძია ვანია დრამა ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ДЯДЯ ВАНЯ Драма в двух действиях (Малый зал)	
25 კვ. Вск.	ს. აქსაკოვი С. Аксенов	ალისფარი ყვავილი მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК Музыкальная сказка в одном действии (Малый зал)	
30 პარ. Пт.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили	ალჟირი დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	А.Л.Ж.И.Р. Документальная драма в одном действии (Малый зал)	
31 შაბ. Сб.	ნ. მაზური Н. Мазур	აგნეს, შექსპირის ცოლი წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	АГНЕС, ЖЕНА ШЕКСПИРА Представление в одном действии (Малый зал)	
ივნისი ИЮНЬ				
1 კვ. Вск.	კ. გოლდონი К. Гольдони	მშვენიერი ქართველი ქალი კომედია ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	ПРЕКРАСНАЯ ГРУЗИНКА Комедия в двух действиях (Большой зал)	

www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონებზე:

Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი
Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

МОСТ МИРА В ТБИЛИСИ
Фото: ДМИТРИЙ ЗВЕРЕВ